

И (араб.)

ЗАКАРИЯ ТАМЕР

*Дамаск
пожариш*

2173

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач _____

300-1/2 III-74

350-1/2 III-86

110-11

75-1612

66-2184

222-247

81 9/10

114-1/2 III

145-1/2 III

60-1915

62-612

67-247 1999

Ула
Т

2

50

ЗАКАРИЯ ТАМЕР

Дамаск пожариш

РАССКАЗЫ

Перевод с арабского

1008

1098

1001

1058

Б-ка Ф. И. 48
п. Ю. В. Л. 1919

2123

1093

103916

1020

Одесская библиотека
№ 110/14
ул. Пастуховская 10-11
Секция № 4 21233 10-11

ЕП

Uzbekobod Tashkent kasb-hunar kolleji
Axborot-resurs markazi

Составитель *И. А. Ермаков*

Редактор *А. М. Михалев*

Закария Тамер. Дамаск пожариц.

В сборник вошли лирические и тревожные, трагические и исполненные веры в будущее, но всегда глубоко человеческие, проникнутые сочувствием к простым людям рассказы известного писателя Сирийской Арабской Республики.

© Составление и перевод на русский язык, кроме тех случаев, помеченных в содержании знаком * «Прогресс», 1977

Т 70304-936 / 106-77
006(01)-77

Автор предлагаемых в этом сборнике рассказов — высокий худощавый человек в темных очках. Он уже не молод — волосы испепельного цвета с отчетливой сединой на висках, усы чуть скрывают горькие складки в углах губ. Говорит он тихим, мягким голосом, будто смущается, внимательный взгляд карих глаз постоянно обращен к собеседнику. Мы беседуем о рассказах сирийского писателя, причудливых и добрых, как сказки, обиденных и суровых, как жизнь.

Выходец из беднейших слоев общества, Закарди Тамер родился в 1931 году. Детские и юношеские годы писателя прошли в нищете. С большим трудом удалось ему получить образование. Сменив в юности много профессий — от разнорабочего до журналиста, — Тамер хорошо знал условия существования арабской бедноты в период колониального господства и разгула реакции. Подъем арабского национально-освободительного движения, борьба против империалистической агрессии на Ближнем Востоке заставили его взяться за перо. В числе других представителей прогрессивной арабской интеллигенции Тамер включается в общественно-политическую деятельность.

Один за другим появляются сборники его рассказов: «Рисание белого коня» (1960), «Весна испепеленная» (1963), «Гром» (1970), «Дамаск пожарищ» (1973). Его избирают в правление Союза арабских писателей Сирии, назначают главным редактором литературного журнала «Аль-маукафф аль-адабий» («Литературная ситуация»).

Тамера глубоко волнуют вопросы воспитания подрастающего поколения. В 1973 году в Дамаске выходит сборник его рассказов для детей «Почему замолчала река». Темы, затрагиваемые писателем, его творческая манера будят воображение арабских художников: в Ливии издастся иллюстрированная серия его сказок. Одна из этих ярких книжечек — «Дом», рассказываю-

щая о том, почему у палестинского мальчика нет дома, — получила первую премию на Бейрутской книжной ярмарке 1975 года и рекомендована ЮНЕСКО для издания на европейских языках. В 1976 году Тамер становится главным редактором дамасского детского журнала «Усама».

«Певцом ужасов и красот жизни» называют Закарию Тамера в арабском мире. «Упорным трудом завоевав себе место в жизни, — говорит о Тамере египетский критик Сабри Хафез в каирском журнале «Ат-Тална» (№ 1, 1973), — страшными, удивленными глазами глядит этот писатель на мир и видит то, чего не замечают у нас многие... По-новому, не так, как принято, воспринимает он жизнь — это чувствительность обнаженного, раненого сердца...»

В чем же особенность писательской манеры Закарии Тамера? Как и всех прогрессивных арабских писателей, его волнуют животрепещущие вопросы современности — проблемы войны и мира, преобразования общества, борьба с отсталостью, невежеством и предрассудками, бесправное положение женщины на Востоке, трагедия маленького человека в бездушном капиталистическом мире, страдания ни в чем не повинных детей. Тамер, разумеется, не первый среди арабских писателей коснулся этих проблем. Однако элементы арабской литературной традиции с ее поэтической символикой сплелись в творчестве Закарии Тамера с новаторскими приемами современной мировой литературы. Язык его прост, слог лишен витиеватости арабесок. Глубокий психологизм в раскрытии внутреннего мира человека достигается скупыми литературными средствами. Своеобразие стиля Тамера и в том, что он широко пользуется аллегорией, иносказанием, смело вводит сказочный, фантастический элемент в реалистическое повествование. Такой прием нов для арабской литературы.

Рассказы Тамера разноплановы: одни похожи на мудрые притчи, другие наглядны как зарисовки с натуры. Однако их объединяет подлинная человечность, неподдельная боль гражданина за всех страждущих, твердая уверенность в том, что каждый человек на земле имеет право на счастье. Светлой надеждой звучит

во многих рассказах образ солнца, столь любимый писателем.

В сборнике Закарии Тамера «Дамаск пожарищ» нет одноименного рассказа. Название так же символично, как и заглавие другой его книги — «Гром». Публикуемые рассказы взяты в основном из этих изданий. В них перед читателем предстает многообразный и противоречивый сегодняшний арабский мир, слышится стон его самых животрепещущих проблем. Пламя войны бушевало в последнее десятилетие над многими городами арабского мира — Порт-Саидом, Суэцем, Дамаском, Бейрутом; бушует оно над землей многострадальной Палестины. Бушует в человеческих сердцах. И чтобы никогда больше не оналяло оно дома и души людей на древней земле Ближнего Востока, борется своим пером Закария Тамер.

ВОСТОЧНАЯ СВАДЬБА

Салах вернулся домой из школы и с отвращением швырнул в угол учебники и тетради.

— Что с тобой? — спросила мать.

— Надоела мне эта школа!

— Почему же вдруг надоела?

Салах помолчал, потом вдруг выпалил:

— Хочу жениться!

Мать радостно всплеснула руками, но, встретив суровый взгляд мужа, застыла и робко спросила его:

— Разве ты против?

Муж ничего не ответил. Он повернулся к сыну и сухим, резким голосом заявил:

— Ты непослушный и непочтительный сын, и не жди от меня согласия на женитьбу.

Салах умоляюще посмотрел на отца:

— С этой минуты, папа, я буду самым примерным, самым пажожным...

— И не пропустишь ни одной молитвы?

— Буду совершать намаз пять раз в сутки! — поклялся сын.

— И соблюдать пост?

— Да! Буду поститься весь рамадан¹...

— И станешь вовремя приходить домой?

— Обещаю ложиться спать рано...

— Перестанешь пить вино?

— Ни капли! И в Мекку пешком пойду!

— Ну ладно, подойди ко мне! Целуй руку! — смягчился отец.

Салах приблизился к отцу и почтительно приложился к родительской руке.

— Целуй три раза!

---

¹ Рамадан — лунный месяц мусульманского поста. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

Салах повиновался. Отец с довольным видом кивнул головой:

— Так... Скажи нам теперь, на ком же ты хочешь жениться?

— Я женюсь на девушке, которая придется по нраву моим родителям...

Лицо главы семейства зарделось и расплылось в улыбку.

— Хорошо! Именно так отвечают послушные дети!

В глазах матери светились слезы радости.

— Одна-единственная у меня мечта: увидеть при жизни твоих детей и детей твоих деток!..

— Ну ладно, ладно! — остановил ее муж. — Помоги-ка лучше выбрать невесту! Кого же мы в невестки возьмем?

Мать подумала немного.

— Хейфу, соседскую дочку. Очень хорошая девушка. Да и ей уже самая пора...

— Знаю ее, — удовлетворенно кивнул отец. — Знаю. Дело говоришь.

— А ты с ней знаком? — спросила мать Салаха.

— Конечно, нет. Представления о ней не имею.

Мать встала и направилась к двери.

— Ты куда? — спросил муж.

— Победу приведу Хейфу.

— Да разве так можно?

— А и схитрю. Попрошу, чтоб помогла мне на кухне.

Едва мать вышла из дома, как отец принялся ходотать.

— Ах ты, чертопок! Значит, жениться задумал? Хорошее выбрал время — зима уж на посу! — Он зашамкался, довольно потер руки и мечтательно произнес: — Что может быть приятней, чем лежать, пригретый в постели, обнимая горячее женское тело!..

— А мне вовсе и не нравится спать вдвоем, — сказал Салах.

— Так чего же ты вздумал жениться? — удивился отец.

Салах загадочно улыбнулся, но ничего не ответил. Отец с сыном сидели молча, пока наконец не вернулась мать, веди за собой Хейфу.

Стройная, чистенькая, с белой кожей, черноглазая и черноволосая Хейфа почтительно вошла в дом и робко присела на краешек стула. В шестнадцать лет она выглядела уже вполне зрелой женщиной.

Мать Салаха взглядом указала мужу на дверь. Тот, усмехнувшись, неторопливо поднялся и вышел. Жена последовала за ним, заметив на ходу:

— Я сейчас вернусь.

Салах долго рассматривал Хейфу, потом неожиданно спросил:

— Ты умеешь решать задачки по арифметике?

Девушка утвердительно кивнула. Салах облегченно вздохнул и рассмеялся.

— Тебе мама сказала, в чем дело?

— Ничего она мне не говорила...

— Не говорила, что я собираюсь жениться?

— Нет.

— И не говорила на ком?

— Нет.

— Я хочу жениться на тебе. Вот так! Ты не против?

Хейфа притворно засмушалась и тихо ответила:

— Я не знаю... По мне... как родители скажут...

— Ты умная девушка, — сказал Салах. — Будешь помогать мне решать задачки по арифметике?

— Конечно, буду.

Салах радостно закричал:

— Мама! Мама!

Мать тут же вошла в комнату.

— Что случилось?

— Мне Хейфа понравилась, и я хочу жениться только на ней и обязательно сегодня вечером!..

— Надо подождать несколько дней...

— Не хочу ждать!

— Ну, потерпи хоть до вечера, пока отец Хейфы вернется с работы.

С неподдельной тоской Салах проводил глазами Хейфу.

В доме началась суета. Надо было подготовиться к вечернему визиту. Мать прихорашивалась перед зеркалом. Отец принял важную позу и с завыванием стал репетировать речь, которую он намеревался произнести в присутствии отца невесты.

Салаху не сиделось на месте. Он долго слонялся по дому, не находил себе дела, наконец застыл у окна и уставился на солнышко.

«Ну, давай, заходи поскорее!»

«Зачем?» — удивилось солнышко.

«Я сегодня вечером женюсь».

«Раньше времени я не могу зайти».

«Гляди у меня! Камнями побью...»

«Попробуй! Твои камни все равно до меня не долетят...»

И все-таки солныщу пришлось в час заката, как обычно, подобрать свои золотые лучи, хотя оно нарочно старалось делать это не спеша. Салах все еще шатался из комнаты в комнату, изнывая от нетерпения. То он начинал скакать на одной ноге, то принимался бегать, будто наперегонки с самим собой...

Едва зашло солнышко, родители Салаха отиравились в дом Хейфы. Первой их приветствовала дверь: она отворилась, прежде чем пришедшие успели постучать. Здесь уже издали соседей. Мать провели на женскую половину, отца — в комнату для гостей. Через некоторое время, потонив гости в одиночестве, к нему вышел отец Хейфы, рассыпаясь в любезных приветствиях и улыбаясь самой благодушной улыбкой.

После обмена приветствиями, пожеланиями здоровья и благополучия, мужчины чинно уселись и поговорили о погоде, о делах, о дороговизне, о распуцении нынешней молодежи, сокрушенно повздыхали. Наконец отец Салаха собрался с духом:

— И хочу поговорить с тобой, сосед, о весьма важном деле.

— Слушаю тебя, сосед.

— Вот, значит, надумал я женить своего сына, Салаха, на твоей дочери, Хейфе. — И, помолчав немного для приличия, спросил: — Что ты мне на это скажешь?

Отец Хейфы улыбнулся.

— Да что тут говорить? Конечно же, я согласен. Вы люди достойные.

— Сколько же ты за нее хочешь?

— Ну... дочь у меня красивая, образованная... Так и быть, из уважения к вам согласен отдать ее по тридцать пять лир за килограмм.

— Что ты! Побойся бога! Ну и цену ты заломил!

— Не будь мы соседями, запросил бы больше...

— Вот я и говорю: умерь цену, ведь мы как-никак соседи.

— Аллахом клянусь, сосед, лишнего не прошу! Дочь у меня ладная, собой хороша, грамоте выучена, а готовить умеет так, что пальчики оближешь!

— Ну понятно, дочь твоя стоит большего, но ты же знаешь, как нынче нелегко заработать деньги... Лиры теперь даром не даются...

— Думаю, что цену я назначил вполне приемлемую.

— Мы люди бедные, войди в наше положение...

— Богатство — в добром нраве и покорности воле божьей...

— Я согласен с тобой: богатство в добром нраве, но...

Отец Хейфы вздохнул.

— Ну чего ты от меня хочешь? Пойми, она ведь у меня единственная дочь! Должен же я позаботиться о ее будущем!.. Ну хорошо, так и быть, возьму с тебя по тридцать за килограмм...

Отец жениха остался доволен: ударили по рукам! Забрав с собою Хейфу, мужчины поспешили на рынок, пока он еще не закрылся. Там девушку поставили на большие весы, и они показали пятьдесят килограммов. Отец Салаха тут же уплатил деньги.

Когда наконец с делами было покончено, невесту провели в комнату, отведенную для новобрачных. Дверь заперли на ключ. Истомившийся в ожидании Салах улыбнулся счастливой улыбкой. За дверью послышалась возня: соседки, отпихивая друг друга, пытались заглянуть в замочную скважину.

— Так, значит, ты согласна помогать мне по арифметике? — спросил Салах.

— Конечно, я помогу тебе.

— Только не смей говорить об этом маме и папе!

— Никому не скажу.

Салах радостно засмеялся. Девушка подошла к двери и заткнула клочком ваты замочную скважину. Затем принялась раздеваться. Движения ее были легки и уверенны — движения взрослой женщины. Она легла на кровать и позвала Салаха:

— Иди сюда! — Голос ее звучал странно: требовательно и не допуская возражений. — Иди ко мне, я тебе расскажу что-то интересное.

— А что ты мне расскажешь?

— Подойди, не бойся. А то люди услышат!

Ноги, казалось, сами повели Салаха к постели. Мальчик уткнулся лицом в обнаженную грудь, и губы его припали к соску. Какое-то странное, давно забытое чувство овладело им, словно из далекого прошлого вернулось ощущение тепла, нежности и покоя...

Но это длилось лишь мгновенье. В растерянности мальчик поднял голову и вдруг горько разрыдался.

Молока, теплого материнского молока в груди не было!

МАЛЕНЬКОЕ СОЛНЦЕ

Узкие извилистые улочки окутаны мглой. Кое-где мерцают одинокие фонари. Слегка пошатываясь, Абу Фахед возвращается домой. Ночное безмолвие пугает его, и, чтобы прогнать невольный страх, он начинает напевать, сначала тихо, себе под нос, затем все громче и громче:

— Несладко мне, но все ж дела неплохи... Несладко мне...

Близится полпочь. От трех рюмок арака, выпитых вечером, на душе Абу Фахеда тепло. И он бредет, умиленно поглядывая по сторонам, испытывая хмельное блаженство и любовь ко всему вокруг.

— Несладко мне, но все ж дела неплохи... — старательно выводит Абу Фахед.

Ему кажется, что его хриплый голос прекрасен, а громкая песня в ночной тишине звучит особенно нежно.

— А ведь здорово у меня получается! — с искренним восхищением говорит он, и сердце его сладко сжимается. На минуту Абу Фахед представляет себе, что он — популярный артист и его окружают многочисленные зрители, они улыбаются, дружно аплодируют, машут ему руками.

В эту ночь Абу Фахед был поистине счастлив. Ни с того ни с сего он громко захохотал, потом, сдвинув на затылок красную феску, снова радостно запел:

— Несладко мне, но все ж дела неплохи...

На нем были серые шаровары, подпоясанные старинным ярко-желтым кушаком.

Проходя под аркой, где темнота пропахла сыростью, Абу Фахед неожиданно увидел маленького барашка.

— Вот это да! — воскликнул Абу Фахед и от удивления раскрыл рот. — Неужели я так пьян, что мне бог знает что мерещится? Подойду-ка поближе, погляжу,

что там такое?.. Клянусь аллахом, настоящий барашек!.. Вот это повезло!.. А где же, интересно знать, его хозяин?..

Абу Фахед тряхнул головой, прогоняя хмель, и внимательно огляделся по сторонам: вокруг — ни души, и к стене сиротливо прижался барашек.

— Неужели я так напился? — снова спросил вслух Абу Фахед и тихо рассмеялся.

«Аллах велик и милостив! — подумал он. — Знает, что Абу Фахед и его жена уже целую неделю не видели мяса, вот и решил их порадовать...»

Он осторожно подошел к барашку и легонько подтолкнул его. Но странное дело, тот даже не шелохнулся и продолжал стоять как вкопанный. Рассердившись, Абу Фахед забежал спереди и, схватив барана за рожицу, дернул что было сил! А тот будто в землю врос.

Абу Фахед отошел в сторону, в недоумении посмотрел на барашка и обозлился — как это он, здоровый мужик, не может справиться с маленьким барашком...

«Ах так! Не хочешь сам идти, тогда я тебя на себе потащу!..»

И, схватив барашка за передние ноги, он поднатужился, крикнул и рывком взвалил его себе на спину. Гордый одержанной победой, Абу Фахед тронулся в путь. На душе его снова стало радостно, и он запел.

Бредет Абу Фахед по переулку и замечает, что почему-то его шатает то вправо, то влево, а ноша за спиной становится все тяжелее и тяжелее и вроде как в размерах увеличивается.

— Отпусти меня! — вдруг послышался сзади чей-то голос.

«Это еще что за чертовщина? — нахмурился Абу Фахед. — Надо же чтобы такое почудилось. Будь оно проклято, это вино!..»

— Отпусти! Слышишь, что тебе говорят?.. Зачем ты меня тащишь? Никакой и тебе не барашек...

Абу Фахед вибрировал, дыхание в груди сперло, руки будто чужими стали...

— И ты повелитель духов, — продолжал голос за спиной, — Отпусти меня, и я одарю тебя всем, чего ты пожелаешь...

Абу Фахед от страха прибавил шаг.

— Семь кувшинов, до самых краев полных золота...

И тут Абу Фахеду показалось, что рядом слышится звон монет, дождем падающих на землю прямо за его спиной. Он обернулся, хотел было крикнуть: «Давай!», а позади — никого, только темный переулок, и в нем — ни души!.. А барашка и в помине нет...

Абу Фахед застыл в растерянности и долго стоял, тупо озираясь. Придя в себя, вздохнул горестно, по-сжился, и ему вдруг стало не по себе. Со всех ног он кинулся домой. Дома он первым делом разбудил жену, Умм Фахед, и принялся рассказывать, какая с ним приключилась история.

— Ложись-ка ты спать, — сердито проворчала жена. — Опять напился!

— С чего ты взяла? Я всего три рюмки выпил...

— Ври больше... Уж как-никак я тебя знаю: рюмку выпьешь и на ногах не стоишь...

Такого оскорбления Абу Фахед вынести не мог.

— Да я бочку арака выпью — и ни в одном глазу!.. Подумаешь, три рюмки...

Умм Фахед пропустила его слова мимо ушей. Она лежала в постели и вспоминала слышанные еще в детстве разные истории про духов и их козни. И только когда муж наконец разделся, выключил свет и повалился на кровать рядом с нею, Умм Фахед заметила:

— Зря ты отпустил барашка! Разве можно было его отпускать, пока он не дал тебе золота... Эх ты!

— Да понимаешь...

— Завтра отправляйся на то же место, — Умм Фахед говорила так веско и уверенно, будто и вправду знала, что надо делать, — взвали барашка на спину и не отпускай до тех пор, пока он не выполнит своего обещания! Понял?

Ее тон обидел Абу Фахеда, и ему стало ужасно жаль себя.

— А где я его найду? — недоверчиво спросил он.

— Там же, под аркой. И мой тебе совет: барашка лучше всего привести домой. Смотри, не отпускай его, пока он не откупится золотом.

— Что ж, по-твоему, он все еще там меня дожидается? — еле сдерживая раздражение, проворчал Абу Фахед.

— Духи днем под землей прячутся, а с наступлением темноты выбираются наверх и дурачат людей всю

ночь до самой зари, — убежденно сказала Умм Фахед. — Понравится им какое-нибудь местечко, они непременно туда еще раз наведаются. Так что ты иди напрямик под арку, там и найдешь своего барашка...

Абу Фахед соглашается с доводами своей жены и ласково ее обнимает. Они долго лежат молча, не шевелясь.

— Мы разбогатеем, — мечтательно говорит Абу Фахед.

— Купим дом...

— И обязательно с садом...

— И радиоприемник...

— Да, самый большой, самый мощный...

— И стиральную машину...

— Конечно...

— Больше не придется варить кашу из пшеницы...

— И хлеб будем есть только белый...

Умм Фахед совсем по-детски радостно смеется.

— Я куплю тебе красивое платье, — продолжает Абу Фахед.

— Всего одно?

— Да нет... — спохватывается Абу Фахед. — Целую сотню. Носи на здоровье!..

И они опять молча лежат, прижавшись друг к другу.

— Когда тебе рожать? — неожиданно спрашивает Абу Фахед.

— Месяца через три...

— Будет мальчик, я тебе точно говорю, непременно мальчик...

— Ему не придется мучиться, как нам...

— Не будет знать ни голода, ни холода...

— Он у нас будет всегда нарядный, чистенький...

— Слава богу, ему не придется бегать в поисках работы...

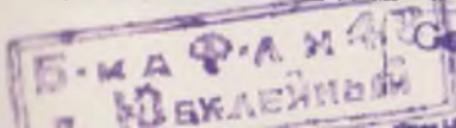
— В школе будет учиться...

— И домовладелец не будет к нему приставать и требовать квартплату.

— А когда вырастет, обязательно станет врачом...

— Почему врачом? Лучше адвокатом...

— Не будем спорить. Подрастет, мы его и спросим: кем хочешь быть, адвокатом или врачом?

Сельская библиотека

№ 1084

Умм Фахед нежно прижимается к мужу и шепотом спрашивает:

— Ты, падеюсь, не собираешься еще раз жениться?

В своем голосе она слышит какие-то особые, незнакомые ей рапыше нотки.

Абу Фахед ласково треплет ее по щеке.

— Нет, клянусь аллахом! Зачем мне это? Разве есть па свете женщина лучше тебя?

И они снова замолкают. В тишине слышно лишь радостное биение сердец.

Внезапно Абу Фахед резким движением сбрасывает с себя одеяло и садится на кровати.

— Ты что? — встревоженно спрашивает жена.

— Пожалуй, надо пойти прямо сейчас!

— Куда?

— За барашком.

— Потерпи до следующей ночи! Ложись...

Но Абу Фахеду не спится. Какое-то непонятное чувство словно подгоняет его. Он зажигает свещивающийся с потолка светильник и начинает торопливо одеваться.

— А если не найдешь барашка, что тогда?

— Найду, непременно найду, — уверенно твердит Абу Фахед.

Помогая мужу обмотаться кушаком, Умм Фахед неожиданно осторожно замечает:

— Слушай, а может, лучше оставить этого барашка в покое?..

Но Абу Фахед полон решимости. Нет, он не отступит. Надо довести дело до конца. Конечно, все не так просто, как кажется на первый взгляд, но он возьмет с собой свой замечательный книжал. Ничего, что лезвие потускнело. Тут без книжала никак не обойдешься...

Абу Фахед поспешно выходит на улицу и вскоре оказывается под знакомой аркой. Здесь его ждет разочарование: ни барашка, ни его следов... Переулок пуст, и окна домов спят. Вокруг — никого. Абу Фахед стоит, прижавшись спиной к стене, и ждет. Ничто не нарушает тишину ночи, и кажется, что время остановилось... Он прислушивается... Где-то вдалеке раздается шум шагов. Шаги приближаются, и вскоре в полумраке переулка возникает чья-то фигура. Мужчина бредет пошатываясь и бормоча себе под нос:

— А что я?.. Я тоже человек!..

Прохожий останавливается в нескольких шагах от Абу Фахеда и недоуменно таращит на него глаза.

— Ты это чего тут делаешь?

— Шагай своей дорогой, — сердито бурчит Абу Фахед.

Но пьяный и не думает уходить. Наморщив лоб, он силится что-то сообразить, и вдруг лицо его расплывается в улыбке.

— Клянусь аллахом, я тоже люблю женщин! — кричит пьяный. — Все понятно! Ждешь, когда уснет муж и тебе откроют дверь? Ну и хитрец!..

В груди Абу Фахеда закипает злость.

— Слушай, а она красивая? — не унимается пьяный.

— Кто она?

— Ну та женщина, которую ты ждешь...

— Уйди отсюда, ради аллаха!..

— Э-э, нет... Я тоже желаю ее проведать...

«А ведь этот чертов пьяница спугнет моего барашка!..»

— Уйдешь ты наконец?! — кричит Абу Фахед, пе в силах больше сдерживаться. — Проваливай, пока я тебя не избил.

— Ты мне угрожаешь? — удивляется пьяный и громко икает. — А кто ты такой, чтобы угрожать?..

Он пристально оглядывает Абу Фахеда с ног до головы.

— Ну, что ж, давай!.. Бей!..

— Слушай, прошу тебя по-хорошему, уйди отсюда, — почти стонет Абу Фахед. — Чего тебе от меня надо? Не хочу я с тобой связываться... Иди своей дорогой...

— Нет! Так не пойдет! Ты мне грозил? Вот и ударь меня! Чего стоишь? Ну!

Видя, что противник не двигается, пьяный заливается смехом, а потом вдруг кричит:

— Не хочешь?! Тогда я сам из тебя решето сделаю!.. — И, сунув руку в карман шаровар, вытаскивает длинный, узкий нож.

От гнева, злобы и отчаяния Абу Фахед теряет голову. Ослепленный яростью, он выхватывает пз-за кушачка кипжал и замахивается. Но прежде, чем он успе-

вает ударить, в воздухе молнией сверкает, чужой нож и страшная боль обжигает грудь Абу Фахеда.

— На, получай! — пронзительно визжит пьяный...

Абу Фахед прижимается к стене и снова замахивается кинжалом, но длинный нож опять впивается ему в грудь. Еще один удар рассекает ему правое плечо, рука повисает, как плеть, и кинжал падает из разжавшихся пальцев...

А пьяный все прыгает вокруг Абу Фахеда, нанося короткие, частые удары, и кричит в пеступлении:

— Так бери же!.. Получай!.. Чего стоишь?!

Абу Фахед пробует удержаться на ногах, но удар в живот валит его на землю.

Пьяный стоит над упавшим человеком, медленно нагибается, тупо глядит в перекошенное от боли лицо Абу Фахеда и хмыкает, дыша перегаром. А потом спокойно уходит прочь, пошатываясь и что-то бормоча себе под нос.

В тот миг, когда сознание уже покидает его, Абу Фахед слышит: «Вот твои семь кувшинов...»

И рядом раздается звон золотых монет. Они падают, сверкая, точно маленькие солнца, а бляение барашка, постепенно удаляясь, замолкает вдали...

Дверь в комнату медленно отворилась. На пороге выросла долговязая мужская фигура. Неслышно ступая, человек проскользнул в комнату и тихо прикрыл на собой дверь. Он оглядел несложное убранство жилища. Тусклая лампочка едва освещала земляной пол, в углу на кровати спала женщина с ребенком.

Мужчина постоял несколько секунд не шевелясь, потом приблизился к деревянному шкафу, одиноко стоявшему у противоположной стены. Потянул за медную ручку, открыл дверцы — в шкафу висела одежда. Он стал выдвигать один за другим узкие ящики, шарить по полкам — ничего. Застиранное белье, детские распашонки... Вдруг его заскорузлые пальцы наткнулись на что-то твердое. Так и есть — шкатулка! Дрожа от волнения, он открыл ее. Внутри лежала фотография: молодой черноусый мужчина в белой рубашке и темных шароварах стоит, положив руку на плечо красивой женщины, она сидит на стуле подле него и счастливо улыбается...

Он с раздражением пивырнул шкатулку на пол. И тут на него напал кашель: «Проклятая грудь!»

Справиться с приступом ему не удалось, он кашлял все громче, все отрывистее...

Судорожно вздрогнув, женщина проснулась. Мужчина кинулся к ней, зажал ей рот ладонью и, вытаскив из-за пазухи кинжал, прошептал:

— Пикнешь — убью!

Дикий ужас застыл в широко открытых глазах женщины. Он отнял ладонь.

— Кричи, если смерти захотела!

Женщина заплакала.

— Что тебе сказано! Заткнись! Терпеть не могу слез! — угрожающе прохрипел незнакомец.

Женщина вытерла слезы и сказала дрожащим голосом:

— Что тебе нужно? Кто ты?

— Мне пужны пятьсот лир!

— Мы же бедные люди...

— Не ври! Твой муж сегодня получил пятьсот лир. От мастера, который его уволил... Ну! Где деньги?

— Не знаю...

Грабитель ткнул женщину в грудь рукояткой кинжала.

— Пятьсот лир спрятаны дома. Говори, где они?

Женщина сквозь слезы шептала:

— Аллахом клянусь, не знаю... Ничего не знаю...

— Где деньги? — сурово спросил он.

— Муж их, видать, с собой носит...

— У! Дьявол его поберит! Что б ему провалиться вместе с его печкой!..

Женщина поглядела на него с удивлением.

— Что глаза таращишь? Будто я не знаю!.. Знаю! Все знаю! Твой муж по ночам работает в пекарне и возвращается домой только к рассвету...

В постели заворочался и громко заплакал ребенок.

Лицо мужчины искривилось в гримасе.

— Заткни ему глотку!

Женщина взяла малыша на руки, прижала к груди и стала тихонько укачивать, глядя ладонью по спинке. Ребенок продолжал плакать.

— Что я тебе сказал? — разозлился незнакомец. — Заткни глотку своей мартышке!

Стесняясь постороннего, женщина обнажила грудь и поднесла к ней младенца. Тот припал к соску, радостно зачмокал и вскоре затих.

— Ты меня знаешь? — спросил мужчина.

— Откуда мне знать...

— Врешь!

— Ну... ты всегда сидишь возле квартальной кофейни, за углом...

Мужчина молчал, долго разглядывая белую женскую грудь. От усталости слипались глаза, отчаянно хотелось спать. К тому же он ничего не ел с самого утра...

Женщина копчила кормить ребенка и положила его в кровать.

— Послушай! — сказал мужчина. — Если я сейчас уйду... Ну вот, просто так... Ты не скажешь мужу о том, что здесь было?

— Никому не скажу...

— Опять врешь!

— Жизнью сына клянусь, что не вру!

— Сколько ему, твоему сыну?

— Пять месяцев и семь дней.

— Любишь его?

— Кто ж свое дитя не любит?

Он внимательно оглядел ее. Красивая! Черные, блестящие волосы пышными прядями ниспадают на плечи...

Мужчина жадно глотнул воздух, тяжелый кинжал глухо ударился об пол. Заскрипела кровать, он навалился на женщину и стал выкручивать ей руки.

— Пусти! — отчаянно отбивалась она.

— Никто ничего не узнает!.. — захлебываясь, хрипел мужчина.

— Пусти, я замужняя женщина.

— Ты пожалеешь! Я прикончу твоего сына, тут, у тебя же на глазах! Слышишь?.. — в остервенении хрипел он.

Силы оставили женщину, ее тело обмякло, беспомощно затихло в его объятиях...

— Поняла, значит... Теперь могу делать с тобой, что хочу! — с гордостью процедил он.

— Аллах тебе не простит!

— Это почему? Может, ты девушка?

Он хрипло засмеялся, женщина снова принялась плакать.

— Забыла, что я сказал? Терпеть не могу бабьих слез!

Но она лишь сильнее разрыдалась, угрозы теперь были ей безразличны.

Мужчина отпустил ее.

— Ну, черт с тобой!.. Перестань реветь! Не трону я тебя! Слышишь, не реви!

Он сидел и молчал, пока женщина не перестала всхлипывать. Их лица были совсем рядом — его, внезапно погрузневшее, и ее, припухшее, влажное от слез.

— Господи! Ну и горазда ты плакать!.. Совсем как моя младшая сестра. Бывало нахмурюсь или слово

скажу неласковое — она тут же в плач!.. Так я уж и дышать на нее боялся...

Женщина устало закрыла глаза. В комнате снова воцарилась тишина. Малыш мирно спал в кровати.

— Спишь?

Она тут же открыла глаза.

— Ну, так что? — шепотом произнес мужчина. — Договорились? Я уйду сейчас, а ты мужу ничего не говори, ладно?

Улыбка чуть тронула губы женщины. Еле слышно она прошептала:

— Ты добрый человек...

— Ну, а куда твой муж денет эти пятьсот лир?

— Спрячет на черный день — мало ли: вдруг заболит или работу потеряет...

— У тебя родители бедные?

— Да, бедняки.

— Так чего же они тебя за бедняка отдали?

— А ты женат?

— Чуть-чуть не женился...

Незнакомец подобрал с пола кинжал, спрятал его за пазуху и, почувствовав вдруг неожиданное облегчение, прислонился к стене, сладко потянулся и устало закрыл глаза.

— Ее родные заупрямились, не захотели выдавать замуж за голодранца... Как она, бедняжка, просила, умоляла! «Увези меня, — говорит, — аллахом заклинаю!..» А я осел!.. Да что там осел — нищий, оборванец, без гроша в кармане...

Сильно закололо в груди. Он долго кашлял, задыхаясь.

— Ох ты, времечко проклятое!.. И земля эта — змея подколодная, все босых ужалить поровит... Лучше уж смерть, чем такая жизнь! — вырвалось у него.

Женщина улыбнулась: словно солнце сверкнуло из-за черных туч...

Он закрыл глаза в изнеможении. Девушка, красивая, как молодая луна... Каждый день она ходит навещать свою больную мать, а он ждет ее в темном коридоре. Только она выйдет, он обнимет ее и чувствует: дрожит, точно птичка, всем телом к нему льнет... Да... Скупое ты, времечко, и сердце твое, видать, из гранита!..

Мужчина уснул.

Проснулся он, как кошка, от легкого шума и мигом открыл глаза.

Сверху на него глядели угрюмые, жестокие лица. Кованый башмак больно ударил его в бок.

— Вставай, собака!

Мужчина поднялся. Двое полицейских скрутили ему руки за спину. Третий звонко щелкнул наручниками и грубо толкнул.

— Пошел!

Мужчина не шевельнулся, словно не слышал. Глаза его не отрываясь смотрели на женщину.

ПТИЦА

Аббаса разбудило жалобное мяуканье его трех кошек. Кроме них, у него не было никого на свете. Он отворил дверь на улицу и скомандовал:

— Пошли прочь!.. Голодный голодного не накормит. Сами ищите себе пропитание!

Но кошки продолжали орать истошными голосами и тереться тощими боками о его ноги. Он отпихнул их и стал быстро одеваться. Выйдя из дома, зашагал по улицам, залитым утренним солнцем. Вернее сказать, он не шагал, а бледной тенью крался вдоль домов. В пустом желудке урчало: ох, как хотелось выпить чашку кофе, выкурить сигарету!..

Не доходя до подъезда большого солидного дома, он остановился и замер в ожидании, глядя на дверь.

На улицу неторопливо вышла девушка. Аббас бросился к ней.

— Нахля, доброе утро!..

— Доброе утро, — мрачно ответила Нахля. — Чего тебе?

Аббас смотрел на девушку, пытаясь унять нервную дрожь в груди. В лучах утреннего солнца Нахля в легком белом платье была прекрасна, как гвоздика! Под взглядом ее агатовых глаз он смутился и пробормотал:

— У меня завтра день рождения...

— Ну так что? Прикажешь плясать от радости?

— Я увижу тебя завтра? — робко спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Что тебе еще от меня надо? Я всю ночь не спала, мучилась от зубной боли. Глаза б мои ни на кого не смотрели! Да встань сейчас из могилы моя мать, я бы и ее видеть не захотела!..

— Позволь завтра встретиться с тобой... хоть на пять минут...

— Ох, надоел! Между нами давно все кончено. Ты меня любишь, а я тебя нисколько. И никогда не по-

люблю! Даже если бы кроме тебя не было ни одного мужчины на свете! Ясно?

— А ты помнишь...

— Мне некогда,— оборвала его Нахля,— на работу оназдываю.

Он с тоскою глядел, как она перешла на другую сторону улицы и растворилась в толпе. Аббас постоял еще, потом тихо побрел дальше, опустив голову.

Солнце лило на город огненный дождь, и он сжигал на своем пути и слезы, и смех.

Аббасу преградили дорогу трое подростков.

— Позвольте, отец, задать вам вопрос? — вежливо обратился к нему один из них.

-- Спрашивай.

— У тебя борода настоящая или фальшивая? — с издевкой спросил парень.

— Готов спорить, что фальшивая... Из кошского волоса! — вставил другой.

— Стыдитесь! — сказал Аббас.— Вы знаете, кто я?

— Кто? — хором спросили все трое.

— Известный ученый, звездочет и воздухоплаватель. Мое имя — Аббас ибн Фарнас. Я изобрел...

— Муху? — съязвил первый.

— Нет, бороду! — сказал второй.

— Неплохо получилось! — вставил третий.

Аббас отвернулся от парней и пошел прочь, подгоняемый градом насмешек. Он долго блуждал по улицам, еле передвигая ноги, натываясь на прохожих, точно слепой. Когда голод и усталость совсем доконали его, он направился к кофейне, в которой обычно просиживал весь день. Но на этот раз хозяин кофейни встретил его на пороге.

— Сперва покажи, есть ли у тебя хоть что-нибудь в кармане, иначе пичего здесь не получишь.

— Я завтра расплачусь, — взмолился Аббас.

— Завтра и поешь! — отрезал хозяин.

— Я умру с голоду... — прошептал Аббас.

— Здесь не приют для убогих, а я тебе не мать родная!

Аббасу пришлось вернуться домой голодным.

Он вошел в комнату, постоял перед зеркалом, посмотрел на свое отражение и вдруг горько заплакал.

Он плакал и сам этому удивлялся. Потом вытер слезы рукавом рубахи и победно улыбнулся.

— Нет, так не пойдет! — проговорил он вслух и покачал головой. В уме его зрел проект бомбы, способной взорвать весь этот мир, разнести вдребезги земной шар!..

Он снова улыбнулся своим мыслям, сел на пол и принялся мастерить бомбу. До взрыва мира оставалось ждать совсем недолго — Аббас трудился в поте лица. Взрыв кошачьей паники опередил взрыв бомбы. Кошки Аббаса носились по комнате и отчаянно мяукали, пока он не отворил дверь. Они выскочили на улицу и помчались в полицию, чтобы предупредить блюстителей порядка о грядущей катастрофе. Кошки наперебой кричали о том, что над миром нависла великая опасность, но полицейские не понимали кошачьего языка, к тому же они порядком устали от мух и телефонных звонков, и, когда им надоели кошачьи вопли, они выкинули доброжелателей на мостовую.

В педоумении и растерянности кошки вернулись домой. Аббас все еще мастерил свою бомбу. Кошки стали умолять его бросить эту затею, но Аббас лишь рассмеялся в ответ.

— Они плюнули мне в душу,— злорадно заметил он.— Теперь очередь за мной. Уж я плюну так плюну!..

Тогда одна из кошек предложила:

— Хочешь, мы осчастливим тебя? Хочешь, исполним твою мечту?

— Да что вы, кошки, можете? Только и умеете что мяукать.

— Мы дадим тебе крылья, и ты полетишь, как птица!

— Что за вздор вы, городите!

— Если ты перестанешь мастерить бомбу, мы тотчас же дадим тебе крылья.

Аббас, нахмурившись, уставился в одну точку. Перед его взором возникла удивительная картина: он высоко парит над городом, подобно горному орлу, несетя над землей, словно гнев божий!.. Это видение заставило его затрепетать от радости.

— Идет! — сказал он кошкам.— Где ваши крылья?

Кошки исполнили обещание: немедленно припесли Аббасу одежду с широкими длинными крыльями. Он

осмотрел ее и остался доволен. Переодевшись, поглядел на себя в зеркало: то, что надо!

Аббас взобрался на крышу дома, оттуда — на купол старой мечети и встал во весь рост. Сверху кошки казались ему меньше муравьев.

Аббас поднял голову. Легкий сухой ветерок ласкал его пылающие щеки. Он напрягся всем телом и, взмахнув крыльями, устремился в пространство.

Он парил в синем ласковом небе. Он был счастлив, он ликовал...

Взглянув вниз, Аббас увидел город, где родился и вырос. Маленьким пятнышком в зеленом море полей плыл под ним этот город, и неожиданно тихая, глубокая нежность наполнила душу Аббаса. Он стал стремительно спускаться вниз и закружился над домами, знакомыми ему с детства.

Куда исчез его черный гнев? В сердце Аббаса пылала горячая любовь к людям, ему хотелось плакать от счастья...

Облачко дыма взметнулось над городом, ветер донес эхо выстрела. Аббас вскрикнул от пронзительной боли и, широко раскрыв удивленные глаза, рухнул вниз...

НАПАЛМ! НАПАЛМ!

Они бродили по улице с Лейлой, как две побитые, напуганные кошки. То, что еще оставалось от вчерашних солдат, ожидало смерти в палатах госпиталей. Свисавшее с балконов стиральное белье белыми флагами полоскалось под таким же белым нещадным июньским солнцем.

Пытаясь совладать с дрожащими губами, он пробормотал:

— И никто из них не выживет?

— Они умрут медленной смертью, — ответила Лейла. — Если бы ты их видел, Ахмед!.. Это не люди — куски черного горелого мяса... И потом этот запах... Его не забудешь до конца своих дней.

Ахмед опустил голову. Не люди. Новые творения природы! Ему представилось нечто черное, ползущее в лунном свете...

А она продолжала:

— Вчера к нам в палату пришла старушка — из деревни приехала. Своего сына раненого искать. Не нашла никого и уже собиралась уйти, как вдруг ее кто-то позвал... Боже мой, ты бы видел этот ужас! Он уже и на человека не был похож... Одни глаза остались. Она не плакала, не кричала... Склонилась над кроватью, такая успокоенная, радостная, присела на краешек, о здоровье его спросила, а сама, не дожидаясь ответа, все говорит, говорит... Братья его меньшие, как чертенята, мол, бегают, дерутся без конца, камнями кидаются, стекла бьют, кошек за хвосты таскают... Отец, говорит, курить бросил. Смейся, говорит, скоро дядей станешь: сестра — беременная, родит через два месяца. Зять твой дочку хочет, а сестра — сына. А отец-то, совсем из ума выжил, пристал к дочке: роди ему непременно и внука и внучку разом!.. Сын хотел засмеяться, кожа у него на лице сморщилась, лопнула, и лицо затекло желтой кровью...

— Перестань! — закричал Ахмед.

Бомба взорвалась беззвучно. Его всего обдало жидкой огненной массой.

Лейла удивленно взглянула на своего спутника и насмешливо сказала:

— Слушаю и повинуюсь. Вчера я видела, как одна «звезда» купила в лавочке сэндвич, села в серебряную машину и укатила вместе со своим ночным повелителем... Такое тебе больше по душе, или мне снова замолчать?

Он не произнес ни слова. Улыбнулся, продолжая разглядывать ее: Лейла в форме и впрямь походила на солдата. Красивая, милая женщина!.. Стоять с ней рядом и лишь едва касаться ее руки было для него сейчас почище пытки на раскаленной жаровне!

Лейла вздохнула.

— Ох, это лето... Я так устала, Ахмед.

— Пойдем ко мне домой, отдохнем.

Она отрицательно покачала головой.

— Что ж... — с горечью произнес он. — Не так уж часто нам теперь удастся встретиться. А любовь — это не только бродить по улицам, сидеть в душном кипотеатре и гадать, неизвестно о чем.

Она молчала.

Бомбы рвались вокруг и рвали будущее на части. Ахмед утонул в липкой огненной лаве, его лицо сморщилось от сознания собственной беспомощности перед этими незаслуженными мучениями.

— Ты обиделся? — тихо спросила Лейла.

— Однажды ты войдешь, как обычно, в палату и только надумаешь выйти, как я позову тебя по имени... Ты подойдешь, присядешь на краешек кровати и начнешь рассказывать мне про новые книжки и новые фильмы.

Она схватила его за руку.

— Замолчи! Что ты говоришь?!

— Отпусти мою руку, — сказал он и добавил с издевкой, — а не то тебя еще увидит кто-нибудь из наших правоверных и сообщит родителям.

Вдребезги разлетелась дверь тюрьмы. Умерла мать и вместе с ней ее советы. Умер отец, ненавидящий дочерей, что приносят в семьи один позор да бесчестье.

— Ты не боишься?

Она не отняла руки. Горячая жадная радость волной прокатилась по его телу. Исчезла неотвязная мука, порождение тягучей слепой тоски ожидания Завтра. Двое стояли, держась за руки, и молчали, счастливые. То, что еще оставалось от вчерашних солдат, ожидало своей участи в палатах госпиталей. Это было вчера...

Они долго шли молча. Наконец Ахмед остановился у перекрестка и показал на старый грязно-желтый дом.

— Вот здесь я живу, паверху. Я пойду первым.

Не дожидаясь ее ответа, он бросился вперед, перепрыгивая через ступеньки, поднялся по лестнице, дрожащей рукой повернул ключ. Упал на кровать, привалился спиной к стене, тяжело переводя дыхание, и закрыл глаза. Сейчас он увидит ее обнаженной. Июньское солнце потухнет, на улицы и переулки артиллерийским налетом хлынет ночь с миллионами брызжущих звезд... Он почувствовал, что вот-вот задохнется, умрет...

Легкий шорох заставил его открыть глаза. Лейла, смеясь, закрывала за собой дверь.

— Чего ты смеешься? Тебе не нравится моя комната?

— Старик с третьего этажа уставился на меня так, словно никогда в жизни не видел женщин.

— Он с бородой?

— Да, с длинной. Горбатый такой.

— Это владелец дома.

Ахмед сидел на кровати и пристально смотрел на Лейлу, с трудом переводя дыхание. Девушка склонялась к нему все ближе и ближе. Их горящие жаждущие губы слились.

В этот миг земля сбросила с себя жесткое одеяние, скованное кузнецами, и сыпы ее с наслаждением упали на зеленую траву. Враги закальвали себя и бросались с обрывов, стаи черных бомб расцветали пучками роз...

Затрещал дверной звонок. Губы влюбленных были не в силах оторваться друг от друга, а звонок все трещал и трещал.

Ахмед открыл дверь. В комнату ввалился бородатый старик. Ахмед выжал из себя подобие улыбки:

— Добро пожаловать.

Старик откашлялся.

— Послушай-ка, сосед. Когда я договаривался с тобой о плате за комнату, я, помнится, поставил тебе условие не водить сюда женщин.

— Она моя невеста.

— Твоя невеста?! Очень приятно познакомиться. Она должна немедленно отсюда уйти. В моем доме, солдат, живут порядочные семейные люди.

— Вы не имеете права вмешиваться в чужие дела, почтенный.

— Это — мой дом, и я никому не позволю делать из него ночлежку для проституток.

— Без оскорблений, ты! Смотри, пожалеешь!

— Что-что? Угрожаешь? Я с тобой церемониться не буду. В последний раз предупреждаю: если эта женщина не покинет мой дом сию минуту, я вызову полицию.

— Делай, что хочешь!

Ахмед с силой захлопнул дверь и, повернувшись, увидел сидящую на краешке кровати бледную Лейлу.

— Мне уйти? — прошептала она.

Ахмед отрицательно покачал головой и опустился на стул возле двери. У него потемнело в глазах. Женщины, прижимая к груди детей, неслись от охваченных пламенем зданий; рушились стены, кофейни, мечети, минареты, госпитали и ночлежки; горела ночь, горели капли дождя на ветру, горела земля, а Ахмед призывал па эту землю все новые и новые бомбы.

ПОРАЖЕНИЕ

Усталый, с поникшей головой, вернулся Халиль Самер в свою комнатку. Улегшись на кровать, он вытянул затекшие ноги. В подвале было сыро. Ежась от холода, Халиль завернулся в ветхое одеяло, устроился поудобнее и заснул. За окном, наверное, уже всходила луна. Ветер выл, словно голодная волчица...

Хрупкими дрожащими пальцами в окно поскребся ветер, дверь со скрипом отворилась. Черноволосая царица неслышно проскользнула в комнату, склонилась над кроватью тонкое, как копье, тело и приказала пытать Халиля. Со всех сторон сейчас же раздались скрипучие, словно заржавевшие, голоса:

«Уж мы попытаем...»

«Попытаем его...»

«Глаза ему солью засыплем...»

«Поджарим, па вертеле поджарим...»

Халиль задрожал от ужаса. Но вскоре страх сменился удивлением, когда черноволосая царица неожиданно встала перед ним на колени и с мольбой в голосе закричала:

«Беги! Беги же!»

«Куда бежать?» — спросил Халиль.

Лицо царицы исказилось, как от чудовищной боли. Извиваясь, она упала на пол и застыла, мертвая. Ее тело превратилось в бабочку, и та исчезла в пустоте...

Халиль проснулся от собственных беззвучных рыданий, но глаза его оставались сухими. Сквозь грязное стекло окна светило низкое солнце. Зевая и потягиваясь, Халиль попытался сообразить, какое сегодня число. Казалось, он проспал целую вечность — пустой желудок слипся, как клеенчатый портфель. Скорее, скорее на воздух!

Громко хлопнув разошедшей дверью, он выскочил на обычно шумную улицу. Тишина... Улица словно вымерла — ни торговца сигаретами, ни одного маль-

чишки. Неизвестно куда пропали горластые женщины, обычно болтавшие друг с другом, перегнувшись через перила балконов, увешанных выстиранными тряпками. Мостовая была усеяна желтыми листьями. Под голыми деревьями, притулившись к тротуарам, стояли покинутые водителями автомобили.

Халиль продолжал идти, постепенно замедляя шаг и с недоумением озираясь по сторонам. Наконец он оказался у входа в ресторанчик. Он было собрался войти, но внезапно застыл на пороге — мимо медленно просхала на велосипеде гигантская крыса. Халиль отчаянно замотал головой, пытаясь стряхнуть оцепенение, поднял глаза, посмотрел на чистое голубое небо, улыбнулся чему-то и толкнул дверь.

Ресторан был занят крысами. Жирные огромные крысы сидели за столиками в соломенных креслах и степенно завтракали.

Халиль выбрал свободный столик в углу и в полной растерянности сел в кресло. Уставившись на грязную скатерть, он принялся считать на ней пятна. Насчитал шесть.

Вскоре к его столу подошел официант. Это была громадная тощая крыса в черном фраке и белоснежной крахмальной манишке. Крыса несколько раз смерила Халиля Самера удивленным взглядом, потом наклонила набок серую блестящую голову и издала серию противных визгливых звуков — так визжит, издыхая, паршивая уличная собачонка.

— Стакан молока, пару булочек, порцию сыра и немного масла, — сказал Халиль.

Официант кивнул головой и неторопливо удалился. Халиль зажмурил глаза и попытался представить маленького, весело смеющегося русого мальчика... И не смог. Тогда он попытался нарисовать в воображении зеленое дерево, рыжего воробья, черноволосую женщину... Опять ничего не вышло. От злости Халиль прикусил губу. Официант вернулся и поставил на столик тарелку с куском сырого мяса.

— Что это?! — возмутился Халиль. — Я просил стакан молока...

Официант непочтительно прервал его, замотав головой.

— Я просил стакан молока,— продолжал, гневно повышая голос, Халиль,— пару булочек, сыр и немного масла.

Официант взвизгнул. Вслед за ним завизжали крысы, сидевшие за крайними столиками. Это, как следовало полагать, вежливое покашливание затянулось надолго. Халиль рассердился не на шутку, он попытался протестовать, но вместо слов протеста из горла вырывался лишь сухой прерывистый кашель. В изнеможении он закрыл глаза и увидел, как падает наземь черноволосая царица. Но на этот раз она не превратилась в бабочку — ее желтый, высохший труп так и остался лежать на полу.

Халиль с трудом разлепил веки и вновь увидел перед собой тарелку с сырым мясом. Внезапно в нем проснулся волчий аппетит, руки сами потянулись к тарелке, пальцы сжали холодный скользкий кусок, поднесли его ко рту, и он жадно впился зубами в мясо...

В это мгновение в ресторан вошла шикарно одетая крыса. За ней, словно собачонка, семеня на четвереньках маленький русоголовый мальчик с железной цепочкой на шее.

КАК УМЕРЛА ЧЕРНОВОЛОСАЯ ФАТЬМА

Полуденное солнце стояло в зените над кварталом Саади, когда проповедник в мечети обратил свои слова к молящимся. Бог создал мужчин и женщин, говорил он, детей и птиц, кошек, рыб и облака. И сотворил он их всех, бедных рабов своих, из праха земного. Мужчины согласно кивали головами, и лица их были похожи на землю, из которой их создал бог, на землю, не омытую ни единой каплей дождя, на окаменевшую глину, из которой были выстроены их дома, на жесткую кладбищенскую землю, куда их опустят в тот день, когда они умрут.

Полуденная молитва окончилась, молящиеся покинули мечеть. И на их лицах мучительная тоска смешалась с тихим смиренным. Многие направились в кофейню квартала Саади и, сидя там, говорили о том, что случилось несколько дней назад, когда Мунзир Салим пришел в полицию и, гордо подняв голову, заявил, что зарезал свою сестру, — ведь только кровью в квартале Саади смывают позор.

Вот и умерла Фатма, похожая на цветок, о котором мечтает каждое дерево, красавица Фатма, лучшим украшением которой были ее черные волосы — темные, как озерная гладь, где не отражается ни одна звезда, душистый шатер, где может надежно укрыться испуганный беглец.

Когда Фатма была девочкой, дед любил расчесывать ее волосы, ласково и гордо перебирая угольно-черные пряди, любовно шепча: «Ведь это же клад, настоящий клад...»

Однажды, смущаясь и робея, держа в руках поднос с кофе, Фатма вошла в комнату, где сидели свахи. Они смотрели только на ее черные как смоль волосы. А через несколько недель женщины с веселыми криками проводили ее в дом Мустафы, лицо которого не знало улыбки.

Мустафа любил Фатьму и ее волосы, но каждую ночь ему снился один и тот же сон — будто он бежит под проливным дождем и ни одна капля не падает на него.

Мустафа говорил Фатьме:

— Я — мужчина, а ты — женщина. И женщина должна повиноваться мужчине, ведь она для него создана.

— Я повинуюсь тебе, делаю все, что ты пожелаешь, — отвечала Фатьма.

В ответ он, вспыхнув, бил ее по щекам:

— Молчи, когда я говорю!

Фатьма плакала. Но уже через минуту эта маленькая, веселая и беззаботная птаха забывала об обиде и начинала смеяться, вытирая слезы, которые текли по ее щекам. А Мустафа закрывал глаза, и ему казалось, что Фатьма покорно говорит: «Люблю тебя и умру, если ты меня покинешь». Но Фатьма ни разу не сказала ему этих слов.

Однажды, тяжело ступая, Мустафа вошел в кофейню квартала Саади и сказал брату Фатьмы Мунизру Салиму:

— Чтобы ты мог, как мужчина, сидеть среди мужчин, пойдй и забери свою сестру из моего дома.

И Мунизр Салим опустил глаза от стыда перед сидевшими с ним мужчинами, с силой закусил губу, резко встал и побежал по улицам квартала Саади.

Когда Фатьма увидела брата, занесшего над ней нож, она бросилась прочь из дома. С непокрытой головой бежала она по переулкам квартала Саади, волосы ее растрепались, она звала на помощь. Но нож постиг ее, пронзил ей горло, а мужчины, женщины и дети молча и мрачно смотрели на нее.

Так умерла черповолосая Фатьма. Нет, она все еще бежит по глухим улочкам квартала Саади, стучится в двери домов, зовет на помощь... Но все двери наглухо закрыты, и нож вновь и вновь обгагрывается кровью.

Топор дровосека безостановочно и монотонно бил по стволу лимонного дерева, что росло во дворе дома. Самиха сидела у окна, выходявшего в переулоч; время от времени оттуда слышались вопли сумасшедшего, сопровождавшиеся стуком топора. Аромат лимонного дерева разносился по комнате, проникал повсюду, сторожил у дверей, будто слепая пищетка.

Резкие, отрывистые крики сумасшедшего проносились над переулком, долетали до ушей Самихи и, словно дикий зверь, врываются в душу, пробуждая в ней некое таинственное существо. Ей было видно, как сумасшедший метался по переулку. Несколько мальчишек приплясывали вокруг него, дразнили и кидались апельсиновыми корками. Его глаза показались Самихе парой больных тигров, дремлющих в высокой траве, там, в чаще леса...

Назойливый лимонный аромат раздражал отца Самихи, старика, измученного болезнью, и он решил избавиться от дерева. Не обращая внимания на мольбы Самихи, позвал дровосека. А ведь лимонное дерево с детства было ее другом! Как оно хорошело с наступлением зимы: дождевые капли жемчугом блестели на его листьях, зеленая кольчуга сверкала и переливалась — того и гляди, займется пламенем.

Снова донеслись вопли сумасшедшего, словно рыдания лимонного дерева, доживающего последние минуты. Самиху охватил безотчетный страх. Ей чудилось, будто она владычица небесного свода, усыпанного тусклыми звездами...

Самиха была женщиной в расцвете сил. Муж оставил ее несколько месяцев назад. А ведь она хотела стать примерной женой: стряпать, стирать белье, прибираться комнаты, любить, выказывая страсть, радость, нежность... Ей было десять лет, когда отец залепил ей жестокою пощечину, увидев на ней платье выше колен.

Потом, перед свадьбой, замужние родственницы обучали ее, как надлежало себя вести в постели, добиваясь гармонии желаний... Но муж был недоволен Сампхой: она пугалась и съезживалась от каждого его прикосновения, потом уступала, и ее безответная плоть бесстрастно принимала тяжесть мужского тела... Муж не желал жить с нею: ему нужна была женщина, содрогавшаяся от его близости. Самиха вернулась в дом родителей — помогала матери по хозяйству, а остальное время дня сидела у окна и разглядывала прохожих.

А сумасшедший все прыгал по переулку, крича и отбиваясь от мальчишек. Топор ранил ствол лимонного дерева, острое лезвие проникало в его плоть все глубже и глубже. Размеренный стук врывается в прошлое, разрушал ее связь с детством. Ребенком Самиха могла смеяться без причины. Правда, ее пугала луна. Она не хотела верить, что это всего лишь мертвый диск, бледно сияющий в вышине.

Необычно резкий крик вонзился в ее сознание. Выглянув из окна, Самиха увидела, что сумасшедший сидит на земле, стиснув руками голову, и кровь хлещет у него между пальцев. Мальчишек уже не было — один из них швырнул в него камнем и они убежали.

Необъяснимый ужас охватил Самиху, она отбежала от окна и бросилась на кровать. Аромат лимонного дерева и стук топора смешивались со стоном сумасшедшего. Самиха закрыла глаза. Ей казалось, будто чьи-то пальцы сжимают ей горло, не дают вздохнуть. Хотелось позвать на помощь. Болезненная тяжесть разлилась по всему телу, но вскоре пришло облегчение. Счастье и страх слились воедино, дыхание ее участилось, и она увидела вдруг таинственного незнакомца из своих ночных сповиданий. Он стоял высокий и совершенно нагой. Ей хотелось дотронуться до него, но она не могла шевельнуться.

Топор палача тупо стучал по лимонному стволу. Незнакомец улыбался. Он стоял у дверей, глаза его блестели. Самиха прохрипела: «Уходи!» — но он широко улыбнулся. Зубы его были ослепительно белыми, а губы темными, как застывшая кровь. Хоть бы сказал что-нибудь! Ей отчаянно захотелось услышать его голос: наверное, он похож на рокот волн, которые бьют-

ся о скалы на далеком берегу... Но когда он стал приближаться, она сказала вновь: «Уходи!» Мужчина, казалось, не слышал и все приближался. Вот он протянул руку, погладил ее волнистые волосы... Губы его беззвучно шевельнулись, но Самихе почудилось, что он сказал: «Милая!»

Всклипывания сумасшедшего становились громче. Незнакомец взял Самиху за руку и потянул к себе. Самиха не сопротивлялась. Его рука была такой сладостно знакомой. Где она видела эти руки? Она не могла вспомнить, как ни старалась. А мужчина вел ее вперед. Они пересекли широкое поле, где зимние снега встретились с летним солнцем и весенними цветами. Подонили к ветхому дому. Он показался Самихе знакомым. Она видела его раньше. Но где? Где?.. Тьма расступилась, и ей вдруг подумалось, что это тот самый старей заброшенный дом, который, как призрак, маячил в конце переулка в дни ее детства.

Она оглянулась на мужчину и увидела, что он изменился. Это был уже не юноша, а немолодой человек. Она сразу узнала его. Когда-то, ей еще не было двенадцати, она возвращалась домой. Спускались сумерки, и она спешила. Когда она поравнялась со старым домом, мужчина средних лет преградил ей дорогу. Он больно сжал ее руку и грубо бросил: «Будешь орать — убью!» Он затащил ее в дом, сорвал платье... Грудь у нее только начинала формироваться, но была уже гладкой, уругой. От него пахло дымом, как от потухшего костра. И вот этот мужчина пришел к ней после стольких лет ожидания. Ей хотелось броситься к нему, спрятать голову у него на груди. Но она опять услышала предостерегающий голос: «Убью, если крикнешь!» Она не сопротивлялась. Ею овладело желание, такое новое для нее, оно возникло глубоко внутри, согревая ее, и она тихо лежала в ожидании мужчины, пахнувшего дымом потухшего костра.

Вновь донеслись крики сумасшедшего. Самиха старалась не обращать на них внимания, но вопли становились все громче, они напоминали рычание зверя. Наконец она не выдержала и подбежала к окну. Сумасшедший все еще сидел на земле и стонал, отбиваясь от парикмахера и бакалейщика, которые старались перевязать ему руку.

Самиха не пыталась больше вернуться в старый заброшенный дом и укрыться там в вечерней мгле с незнакомцем. Она не могла оторвать глаз от сумасшедшего, который катался по земле, размахивая руками и погами. Образ немолодого мужчины поблек и растаял.

Самиха вернулась к кровати, легла, закрыла глаза. Однажды, когда она останется одна, она заманит сумасшедшего в дом, бесстыдно сорвет с себя платье...

Стук топора резко оборвался. С шумом рухнуло лимонное дерево, и все стихло.

Вспомнив о луне, Самиха улыбнулась: она больше не будет бояться луны, она видела ее неприкрытый лик.

БОРОДЫ

Пернатые покинули небо над нашим краем, детишки перестали играть в переулках, певчие птицы в крепких клетках лишь пищали да всхлипывали, а вата стерильная, скажу я вам, и вовсе из аптек пропала, когда войска Тамерлана осадили наш город. Только с солнцем ничего не случилось — по-прежнему всходило каждое утро.

Но мы, городские мужи, не пали духом, а со спокойной улыбкой возблагодарили аллаха за то, что он нас создал такими, какие есть, с бородами, а не безбородыми, точно женщины. Собрались мы на совет, чтобы решить, как быть дальше. Первым выступил молодой стройный мужчина, что бельем женским на рынке торговал. Он с жаром заявил: «Будем сражаться!»

Под презрительными взглядами неразумный осекся, замолчал и покраснел от стыда. Тогда неторопливо поднялся владелец самой большой в нашем городе бороды и степенно рассудил: «Война и сраженья нужны лишь тем, кто не от мира сего, а мы — слава аллаху! — наделены бородами, следовательно, мы — от мира сего!»

Раздались дружные возгласы одобрения, и, недолго думая, решили снарядить к Тамерлану почтенную делегацию во главе с дряхлым старцем, у которого при ходьбе борода болталась у самых колен.

В нашем городе семь ворот. Делегация с белым флагом вышла через одни из них и давай пробираться сквозь толпу: солдат там было, что саранчи в поле, что звезд на небе. Копошатся себе под доспехами, вишей ловят, а больше им ни до чего дела нет. Мечи свои наземь побросали — пусть солнышко на них кровь да грязь пообсушит.

Посольство просеменило к шатру Тамерлана, вползло под свод. А там... Сидит там Тамерлан, малолетний отрок, смотрит на них и улыбается — взгляд ребенка, а улыбка старца.

И сказал глава городского посольства:

— Мы к тебе с миром! Город наш и без войны твой, но мал он и беден, нет в нем ни золота, ни нефти. Одних жен у нас развелось, точно коз, сами будем рады избавиться от такого богатства.

— Ненавижу кровопролитие, — ответил Тамерлан. — Не пужны мне ни золото, ни прекрасные жены, но я прослышал, будто в вашем городе голодают брадобреи, потому что вы дрожите за свои бороды и отращиваете их до полу. Такого я потерпеть не могу. Жизнь моя посвящена угнетенным и насаждению справедливости во всем мире, от края и до края. Человек не должен голодать!

Эти слова повергли в удивление членов посольства. Они растерянно перстлянулись.

— Мои войска не отойдут от города, — продолжал Тамерлан, — пока вы не сбреете свои бороды и не расцветет на земле славный труд брадобреев!

— То, что ты требуешь от нас, — сказал глава посольства, — воистину серьезное дело. Прежде чем дать ответ, мы должны вернуться в город.

— Возвращайтесь... Или сбреете бороды, или сгинете все... Выбирайте!

Члены посольства погрузились в молчание, ими овладел ужас. И в мгновение ока жизнь показалась такой прекрасной, а небо — бездонным и синим. Пунцовая роза на лугу заалела жарче исступленных признаний влюбленного. Первые крики младенца проросли ростками весенней травы, всколыхнули материнскую кровь. Лунный серп серебристый, пронзающий ночь, обнажили, украдкой приоткрывшись, дрожащие губы любимой...

Посольство переглянулось. Старцы представили себе, как, словно в зеркала, глядят они в гладко выбритые подбородки друг друга... Почтенные лица перекосились. Смерть показалась им в тот миг красненькой рыбкой, ярко блестящей чешуей под золотым солнцем.

Чувствуя, как смиренно внимают ему городские мужи, уверенный сединой глава посольства сказал:

— Завтра наш город решит свое будущее, — и холодно простился с Тамерланом.

Делегация вернулась в город и повторила нам все, что сказал Тамерлан. Вокруг поднялся гневный шум, и один из нас крикнул:

— Что толку сохранить жизнь и потерять навсегда наши бороды?!

А наавтра войска Тамерлана взяли наш город штурмом. Стены рухнули, ворота исчезли в чаду и пыли, седые мужчины полегли в крови, как барашки.

Тамерлан вдоволь позлорадствовал, глядя на гору мужских голов с желтыми, высохшими лицами. Заляпанные кровью, они по-прежнему гордо щерились на солнце улыбками и даже не посуровели. Но тщеславие сползло с них, едва Тамерлан приказал городским брадобреям расправиться с их бородами. Воитель сдержал свое слово.

РАБЫ БОЖИИ

Возрадовались босопогие, когда пожалели их облака и, облагодетельствовав пуждающихся рабов аллаха, пролили на землю дождь из башмаков самых различных расцветок и размеров.

Но раб божий Абдулла ибн Сулейман в это время спал, и ему башмаки не достались. Как спал он босым, так босым и проснулся.

Абдулла долго глядел на обутых в башмаки прохожих, и стало ему завидно. А зависть, как показывал нам пророк, есть корень зла, от нее все беды и несчастья. Да стяжает завистливый то наказание, которого заслуживает, ибо аллах справедлив и вечно бодрствует — от него не укроется никакая тайна, ни о чем аллах не забывает, да и аллаху забвение не грозит!

Абдулла ибн Сулейман родился босым и босым вырос — вот и добежать бы ему босиком до могилы. Так ведь пет! Совратил его все-таки проклятый шайтан — да спасет нас от него аллах! — внушил ему, нашептал на ухо, что не грех стать Абдулле рабом божьим в башмаках. И не воспротивился Абдулла козням шайтана, поддался печестивому. Ну, вы-то, конечно, знаете, что лик искусителя безобразен, лишен, можно сказать, всякой миловидности, голова у него о двух рогах, а сзади хвост болтается.

В кармапе у сына Сулеймана не было ни гроша — куда уж ему думать о покупке башмаков! Вот он и не постеснялся пойти следом за господином в красивых туфлях из воловьей кожи. А когда тот свернул в безлюдный переулок, набросился на него Абдулла и ткнул его разок в грудь своим обоюдоострым кинжалом. Этот кинжал был единственной ценностью Абдуллы и достался ему в наследство от отца. Господин в красивых туфлях повалился на землю как подкошенный. Абдулла тоже прилег рядом с ним и стал сдирать с несчастного башмаки.

А в ту пору рядом, как назло, проходил наряд полиции. Абдулла схватили. Он и не пытался отрицать свое богомерзкое деяние. Да и куда там! От кинжала пар идет, раненый хрипит, барахтается в луже крови. К тому же, испуская дух, он еще успел пальцем указать на убийцу!

Все это случилось в субботу, а воскресенье Абдулла провел в тюрьме. В понедельник его отвели на суд и в тот же день водворили обратно в тюрьму. Он просидел за решеткой до самой пятницы. Известное дело, в плач ударился, стал каяться, прощения у аллаха просить, молиться, чтобы все обошлось, проклинать шайтана-искусителя, отступающего при упоминании святого имени.

Проснулись люди в пятницу, позавтракали с аппетитом. Одни, встав, позевывали, лениво потягивались, другие не забыли сделать зарядку — гимнастика, как вы знаете, чрезвычайно полезна и способствует кровообращению.

Едва голоса муэдзинов вознеслись в чистое небо, слышая народ на полуденную молитву, как городские мужи поспешили покинуть свои дома и направились в мечеть. Помолитись, как положено, а под конец потребовали у аллаха даровать им все, чего им не хватает, ибо они его верные и преданные рабы.

Завершилась полуденная молитва, и правоверные вышли из мечетей. Гордо расправив плечи, они зашагали по улицам. Их спокойные лица светились радостью, и башмаки весело постукивали по мощеным улицам. В это время солдаты с винтовками вывели Абдулла ибн Сулеймана на широкую площадь.

Собралась толпа, люди кричали, страсти накалялись. А Абдулла стоял посреди площади со связанными за спиной руками. Потом пришел старик с длинной седой бородой, развернул лист желтой бумаги и начал читать приговор.

Когда он закончил, к Абдулле подскочили какие-то люди в белых одеждах.

— Кто такие?

— Родственники убитого, упокой аллах его душу!

Окружив связанного Абдулла ибн Сулеймана, они выкрикивали:

— Аллах велик! Аллах велик!

Пронзительный, радостный женский крик огласил площадь, когда они выхватили свои длинные кинжалы и набросились на раба божьего Абдуллу.

Зашатался сын Сулеймана от их ударов. Кинжалы легко вонзились в его плоть, люди в белых одеждах вихрем метались по площади, кровь алыми струйками лилась под полуденным солнцем. Недолго простоял Абдулла, рухнул наземь. А родственники убитого, опустившись на колени, продолжали полосовать и без того истерзанное тело босоногого.

На площади было жарко. В конце концов бросили Абдуллу, словно мешок, в стоявшую неподалеку карету «скорой помощи». А кровь на земле затерли.

Вот так потерпел шайтан еще одно поражение. Абдуллу ибн Сулеймана похоронили босым и насыпали сверху холмик земли. Конец его был достойным уроком тем заблуждающимся, что не желают оставаться босоногими, пока не пошлет им аллах всемогущий смерть.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ И МЕРИН

Абу Мустафа остановил повозку у тротуара, натруженной ладонью единственной руки похлопал своего конягу по холке и пошел в лавку напротив. Он вынул оттуда на спине мешки с дровами и сваливал их на повозку.

Ноздри мерина судорожно подергивались безо всякой причины — он был зол на весь свет. Правда, раздражение его немного улеглось, когда он наткнулся мордой на грязную арбузную корку и начал потихоньку жевать ее, отгрызая кусок за куском.

Вдруг, откуда ни возьмись, у коняги под носом вырос сопливый мальчишка. Улыбаясь, он пялил глаза на мерина.

«Я его не знаю,— подумал мерин,— вот возьму да и лягну сейчас, если подойдет поближе. Проломлю ему череп».

Он оставил корку, задрал голову и посмотрел наверх, в чистое небо. Безграничная печаль появилась в круглых глазах, когда он всем телом потянулся к этому сопляку, уныло повторяя про себя: «Вот лягну его... лягну!»

А Абу Мустафа тем временем все таскал свои тяжеленные мешки и сваливал их на повозку.

Мерина одолела усталость. «Нет на свете справедливости!» — с тоской подумал он.

Он родился в городе и всю жизнь провел на этих асфальтированных улочках. Но ему было известно, что его деды и прадеды резвились, не зная упряжи, бегали по вольной степи, где нет ни домов, ни каменных стен, ни заборов. Но все они давно умерли...

Мальчишка наклонился и поднял арбузную корку. Немного помедлив, приблизился к мерину. Копь попытался, пытаясь побороть страх. А мальчишка сунул корку прямо ему в зубы. Этого мерин не ожидал. Он постоял некоторое время в нерешительности, но потом

все-таки взял корку и принялся ее жевать. И даже позволил детской ручонке погладить себя по шее.

Абу Мустафа кончил грузить мешки с дровами. Заметив мальчишку, крикнул:

— А ну, прочь, обезьяна!

Щелкнул кнут, и, повинуясь повелительному окрику хозяина, мерин тронулся, медленно потащил тяжелую повозку.

Следуя знакомыми переулками, колеса ритмично скрипели, подрагивали, патыкаясь на пыльные булыжники, пока наконец не выкатились на широкую улицу, по обеим сторонам которой высились каменные дома. Но не успели колеса старой телеги сделать еще один полный оборот, как на их пути вырос полицейский в суконной форме.

— Тпру! — скомандовал Абу Мустафа.

— Ты что, не знаешь, — заорал на него полицейский, — что проезд на телегах по этой улице запрещен?

— Знаю.

— Так чего ж ты сюда выкатил?

— Конь у меня... Посмотри... Едва на ногах стоит. Эта дорога короче, все коню легче.

В душе мерина впервые зашевелилась благодарность к хозяину.

А полицейский сказал:

— По этой улице проезд на телегах и повозках запрещен. Разрешено только машинам и пешеходам.

— Знаю, — сказал Абу Мустафа, облизывая потрескавшиеся губы. — Да уж больно он устал, еще помрет — я заработка лишусь. Сам с голоду помру и дети тоже... У меня их четверо.

— Заворачивай. Так уж и быть, штраф с тебя не возьму.

— Да он же... Да у меня же четверо детей!.. Они от голода скоро камни грызть начнут!

Абу Мустафа выдавил короткий смешок и, округлив глаза, зашептал:

— Послушай... Я тебе правду скажу. Я не за детей, я за жену боюсь!

— Чего же ты за нее боишься? — снисходительно спросил полицейский.

Вдоль улицы росли густые зеленые деревья. Их пышные ветви тянулись в синее безоблачное небо —

точь-в-точь того же цвета, что и глаза у служителя порядка.

— Я боюсь,— зашептал Абу Мустафа, зажимая здоровой правой рукой начавший неожиданно дергаться обрубок левой,— что дети с голодухи свою мать сожрут... У них острые зубы!

Мимо, превышая скорость, пронеслась машина. Полицейский свистнул в свисток — да куда там! Однако он успел разобрать номер и записал его на обложке блокнота. Повернувшись к Абу Мустафе, он уставился на него побелевшими от злости глазами и заорал:

— А ну, заворачивай!

— Ну, позволь... позволь мне проехать, только сегодня.

— Ты что, не слышал, что тебе сказано? — строго сказал темного смятвшийся полицейский.— Заворачивай!

— Только один раз...

— Заворачивай. Закон есть закон, нечего тут рассуждать.

— Да конь же устал...

— Заворачивай, живо!

— Да сохранит тебя аллах для твоей матери...

— Аллах не сохранит меня. Я законы не изобретаю. Я исполняю приказы. И ты этим приказам должен подчиняться.

Абу Мустафа ничего не ответил. Он на минуту представил себе этот самый Закон жутким огромным чудовищем со множеством рук: вот Закон приказывает полицейскому, и полицейский подчиняется, приказывает полицейский — и Абу Мустафа тоже должен подчиняться. Полицейский заорал вновь:

— Заворачивай давай, а не то я тебя живо привлеку!.. Ты у меня попляшешь.

Абу Мустафа медленно повернулся к своей повозке. Но подспудно копившийся гнев мерина достиг в эту минуту предела. Собрав последние силы, он двинулся на полицейского. Ничто уже не могло его остановить...

Блюститель закона попытался было отпрыгнуть в сторону, но мерин смял его, опрокинул на спину. Конь прошил по груди в суконном мундире, следом проехали колеса тяжелой повозки: кровь смыла с колес уличную пыль.

Конь удивился, увидев, что хозяин стоит перед ним разинув рот и не говоря ни слова. Вместо того чтобы взобраться на повозку или потрепать мерина по холке, Абу Мустафа бросился бежать без оглядки.

Мгновенно образовалась толпа, прохожие сгрудились вокруг, зашумели. В глазах у них был ужас, смешанный с восхищением — как будто в пыли перед ними не раздавленный полицейский, а красивое женское тело.

Они глазели на труп, пока не прибыл наряд полиции, чтобы задержать убийцу и составить протокол.

Судья был справедлив. На заре, под ясным, безоблачным небом, конягу привели на главную площадь города. «Вот это и есть, наверное, все, что от степи осталось», — подумал мерин. За минуту до казни он почувствовал себя чрезвычайно польщенным. Еще бы! Ведь его вели сюда по тем чистым широким улицам, куда прежде никогда не пускали.

В городе появился странник. Он бродил по улицам и повсюду сеял своими рассказами страх и ужас. На вид он был дряхл и немощен. Лицо все в морщинах, голос хриплый и грубый. С его губ слетали грозные пророчества: земля накануне гибели и жить роду людскому осталось совсем немного — нагрянет потоп и погребет под собой все живое.

Когда горожане поняли, что смерть неизбежна, ими овладел ужас. Лица помертвели, потускнели глаза, углубились морщины, но — странное дело! — люди обрели небывалую смелость и стойкость, перестали бояться царя и его солдат, отказались платить налоги, презрев и тюрьмы, и пытки, и виселицы.

Царя повергло в удивление известие о поведении его подданных. Он никак не мог найти разумного объяснения происходящему и повелел своему визирю разузнать, в чем дело.

Спустя несколько дней визирь вернулся к царю и сказал:

— Все это оттого, что люди убеждены, будто неизбежна всеобщая гибель.

— Неизбежна гибель? — удивился царь.

— Среди горожан объявился странник, заставивший их в это уверовать.

Царь возмутился и приказал:

— Сейчас же доставить ко мне этого странника!

Визирь улыбнулся:

— Он уже в одной из тюрем моего повелителя.

Согбенного странника привели во дворец закованным в цепи. Царь долго смотрел на него изучающим взглядом владыки.

— Это ты распространяешь лживые слухи, будто на мое царство грядет гибель?

— Это не слухи, а истинная правда, — ответил странник. — Когда от человека остаются кожа да

кости, приходит время погибнуть грешному телу. И ничто уже не в силах спасти его от смерти.

— Что же, ты говоришь правду,— спокойно сказал царь. — Ничто не в силах спасти тебя от смерти.

Царь повернулся к палачу с обоюдоострым мечом и указал пальцем на странного старца:

— Отрубни ему голову.

Палач взмахнул мечом, и голова странника покати-лась на землю.

Царь вздохнул с облегчением и пошел в сад. Там он подозвал царицу и приказал ей сесть рядом с собой.

— Какие цветы тебе нравятся больше всего?

Она прикоснулась пухлым пальчиком к своим соч-ным губам:

— Красные гвоздики.

И царь повелел вырубить в саду деревья, вырвать розы и засадить все вокруг красными гвоздиками.

Гвоздики выросли и пышно распустились. Царица приходила в восторг, любуясь пурпурными волнами сада в часы заката. Царь тоже радовался: золото, как и прежде, стекалось в его кладовые, а подданные забы-ли думать о смерти.

ВЕЧЕРИНКА

Жители квартала Саади радостно встретили закат дневного светила. Ночь примирила двух самых страшных — Абу Шакур и Абу Касем были как раз из тех, что способны убить человека, а потом спокойно провожать его гроб до могилы.

Когда тьма сгустилась, мужчины квартала Саади собрались в одном почтенном доме. Люди солидного возраста долго вели рассудительные беседы о том, что не следует из года в год подогревать старые распри. И Абу Шакур с Абу Касемом пожали наконец друг другу руки, обнялись и расцеловались под шумное одобрение присутствующих. Потом они сели рядом и, то и дело наполняя стаканы араком, принялись обмениваться любезностями. А когда как следует выпили, вся их смертельная вражда показалась им не значительнее ребячьей ссоры...

Абу Касем положил руку на плечо своему недавнему врагу и сказал ему, как старому другу:

— Аллахом клянусь, Абу Шакур, ты — муж среди мужей!

— Я?.. Да что ты! — поморщился Абу Шакур, немного смутившись. — Аллах свидетель, правду скажу: кто я такой по сравнению с настоящими мужами?!

— Ты? Ты мужчина из нашего квартала! Все мы помним, как ты вел себя, когда на нас напали эти, из квартала Мерджан.

— Ну... То, что сделал я, по плечу любому здесь! — Абу Шакур указал на сидящих в комнате. — А кто я такой по сравнению с мужчинами среди мужей, а? Сосунок, да и только!.. Вы отца-то моего помните?

Собравшиеся одобрительно зашумели:

— О!.. Это да!.. Благослови его аллах!

— Упокоил его аллах в райских пределах.

— Молиться за него надо!.. Читать фатиху!..¹

— Покойный был необыкновенным человеком,— сказал Абу Шакур, сжав огромной ручищей маленький граненый стаканчик.—Таких забывать никак нельзя. А до чего же он любил выпивку, песни и женщин!

Мирно дремавший в углу пьянчужка приподнял голову и пеловким движением опрокинул на столе бутылку. Его рот расплылся в улыбке:

— А я... Я тоже женщин люблю, клянусь аллахом!

Мужчины дружно рассмеялись, однако поспешили подтвердить, что они, как и покойный, тоже любят женщин.

— А еще,— продолжал Абу Шакур,— родитель мой, как вы помните, потасовки любил: вломит как следует и скроется, так что ни один полицейский его не поймает.

Все стали наперебой восхищаться покойным родителем Абу Шакура. Потом перешли к разговору о других усопших — о тех из них, что при жизни способны были рыдать, как дети, и в то же время могли спокойно прпрезать какого-нибудь доходягу, пробавлявшегося водой вместо арака.

Шумное веселье продолжалось, пока в доме не кончились выпивка и закуска. Гости стали медленно расходиться, обмениваясь с хозяином в дверях бесконечными словами благодарности и прощаясь друг с другом так, будто расставались не до следующего вечера, а на всю жизнь.

Абу Шакур зашагал по родному кварталу, тяжело передвигая чугунные ноги и размышляя о превратностях судьбы. Что ни говори, а с родителем ему повезло. Он вспомнил, как однажды, еще мальчишкой, вернулся домой весь в слезах после уличной драки. Отец здорово побил его тогда. «Плачут женщины, а ты мужчина!» А когда Абу Шакур в первый раз проломил голову парню на несколько лет старше его самого, отец купил сыну новые башмаки...

Погруженный в свои воспоминания, долго еще петлял отяжелевший Абу Шакур по пустынным улочкам, пока где-то впереди не замаячила фигура прохожего

---

¹ Фатиха (по-арабски — открывающая) — первая сура Корана.

с музыкальным инструментом под мышкой. Человек был явно навеселе. Абу Шакур преградил ему путь.

— Стой! А не то...

— Стою...— проговорил музыкант дрожащим от страха голосом.— Вот я уже и остановился, Абу Шакур...

— Ты меня знаешь?! — удивился Абу Шакур.— Я тебя не знаю, а ты меня знаешь... Как это?

— Неужели ты меня не знаешь? — жалобно воскликнул бедняга.— Я пел и играл на многих вечеринках.

Абу Шакур тупо уставился на музыканта.

— Ах, да! Я тебя вспомнил. Ты... ты... Уф! Забыл, как тебя зовут.

— Я — Абу Самир, Абу Самир я...

— Точно,— сказал гроза квартала.— Теперь вспомнил. Ты действительно Абу Самир.

— Да, да... Абу Самир я...

— Ты где был?

— На вечеринке.

— Ну и как?

— Скверно, Абу Шакур. Еды мало, и арак не тот, самогон... И молодежь эта, ничем ее не удивишь...

— А теперь куда идешь?

— Теперь куда иду? Домой, конечно.

В это мгновение с минарета неподалеку раздался голос муэдзина, призывавшего к рассветной молитве. Абу Шакур посмотрел на небо.

— Муэдзин сдурел совсем, к рассветной молитве зовет, когда ужинать пора... Ничего, аллах поправит!

— Верно говоришь, конечно, поправит...— залезбил музыкант.

Абу Шакур наморщил лоб, что-то соображая, потом перевел взгляд на Абу Самира:

— Иди за мной! Куда?.. Не спрашивай лучше, а не то...

— Слушаюсь, Абу Шакур, слушаюсь! — поспешил заверить музыкант своего не терпящего возражений повелителя.

Абу Шакур углубился в один из узеньких переулков и пошел, все убыстряя шаг. Абу Самир послушно ковылял следом. Наконец переулок кончился — они стояли у ворот кладбища.

— За мной! — прокричал Абу Шакур, направляясь за ограду.

— Что ты задумал? Что ты собираешься со мной сделать?! — в ужасе завопил музыкант. — Я бедный человек, я муравья не обижу!..

Абу Шакур повернулся к нему:

— Следуй за мной, а не то сейчас подойду к тебе поближе... Ты ведь меня знаешь и знаешь, что я делаю с теми, кто мне перечит!..

Абу Самир пулей устремился в кладбищенские ворота. Он задыхался и, уже не стесняясь, громогласно призывал на помощь аллаха, но все-таки бежал вперед.

Абу Шакур немного побродил по кладбищу и остановился около одного из белых надгробий. Затем он сел и указал Абу Самиру на место рядом с собой:

— Садись.

Абу Самир повиновался. Он хотел было что-то сказать, но его опередил грозный окрик:

— Тихо!

Абу Шакур ткнул пальцем в могилу напротив.

— Это могила моего отца... Да благословит его аллах!.. Давай прочтем фатиху за упокой его души.

Он молитвенно сложил руки на груди и принялся нараспев читать первую сурю Корана. Абу Самир отложил лютню в сторону, поднес дрожащие ладоши к лицу и хотел было подхватить молитву, как вдруг с ужасом обнаружил, что забыл слова!.. Он сидел и беззвучно шевелил губами. Как он боялся выдать себя в эти минуты!

К счастью, Абу Шакур ничего не заметил. Кончив читать, он провел ладонями по лицу — Абу Самир бездумно последовал его примеру. Потом Абу Шакур вытер пот со лба черным платком, старательно высморкался в него и сунул в карман. У Абу Самира платка не оказалось, и он не знал, что делать.

— Отец любил песни и музыку, — выручил его Абу Шакур. — Я хочу, чтобы сегодня ночью он послушал то, чего лишен уже много лет. Пусть повеселится немного... Ну-ка, сыграй что-нибудь на своей лютне.

Абу Самир не двигался — точно окаменел.

— Ты что, не слышал?! — раздался грозный голос. — Шевелись, а не то я разобью эту лютню о твою голову!

К музыканту вернулся дар речи.

— Абу Шакур... Да хранит тебя... я это... аллахом клянусь!

— Это я аллахом клянусь,— начал злиться Абу Шакур,— что похороню тебя здесь, в могиле, этой же ночью, если ты не будешь подчиняться сразу же!

— Слушаюсь, Абу Шакур,— заговорил несчастный, беспомощно озираясь по сторонам.— Не сердись только, я все сделаю... О-о! Велик аллах! Велик аллах!..

— Что ты там бормочешь? Ты отцу моему дай послушать что-нибудь из твоих заклинаний!

Абу Самир взял лютню, пристроил ее на коленях. Пальцы правой руки ударили несколько раз по струнам... и замерли.

— Ты чего перестал?

— Ох! Хочешь, правду скажу? — решился на отчаянный поступок Абу Самир.— Страшно мне, боюсь я... Рука не слушается, дрожит вон!..

— Боишься?! — пришел в крайнее удивление «муж среди мужей». — Мужчина не должен бояться, а ты мужчина. Бояться вообще грешно, а ты чего-то боишься рядом с Абу Шакуром... Гони страх прочь!

Он вытащил из кармана бутылку, до краев полную разбавленного водой мутно-белого арака. Выдернул зубами пробку, шумно вдохнул приторный запах аниса.

— Бери! Пей, говорю... Это настоящий арак, с ним ты перестанешь бояться всех ифритов на свете!

Абу Самир взял бутылку, поднес ее ко рту и сделал большой глоток.

— Но-но, ты не очень-то! — заволновался Абу Шакур, отбирая сокровище. Он вытер ладонью горлышко, отпил сам.— Давай теперь свою музыку, доставь отцу удовольствие. Пусть он там, в могиле, порадует за меня, скажет: ах, как хорошо!

Абу Самир начал играть. Гроза квартала в неподдельном восхищении закачал головой:

— Ах!.. Расслабь руку-то... Вот так... Давай, давай!

Душа маленького музыканта наполнилась гордостью. Звуки лютни заставили его позабыть волнения и страх, он играл все увереннее.

— О аллах! — заорал пьяный Абу Шакур.— Какой же ты молодец!.. Как твое почтенное имя?

— Абу Самир.

— Ох, память проклятая! Абу Самир... Может, споешь теперь?

— Слушаюсь, Абу Шакур!

Музыкант ударил несколько раз по струнам, затем крило зашел, то и дело фальшивя. Постепенно голос его выровнялся.

О Лейла! О Лейла! Любовь моя, Лейла!.. —

неслось над кладбищем.

— Ах!.. Ах!.. — чуть слышно вскрикивал Абу Шакур, схватившийся за голову от счастья.

Он протянул музыканту бутылку — тот отпил, сколько положено, вернул назад.

— Благодарен, Абу Шакур, премного благодарен.

— На здоровье, дорогой! — рассмеялся подобревший громил. — Вот как пьют истинные мужчины!

Абу Самир вернулся к песне:

С тем, что мысли хранят,
Должен встретиться взгляд...

— Верно, аллахом клянусь, верно! — заорал Абу Шакур, хотя одному аллаху было известно, с чем он сейчас соглашался. — Ох, продолжай, Абу Самир, продолжай!

И Абу Самир продолжал. Куда девался его страх? Голос был звонким, рука больше не сбивалась с ритма. Как только он закончил, Абу Шакур захлопал в ладоши:

— О аллах! О аллах!.. Соловей ты, Абу Самир, чистый соловей!

Абу Самир, переведя дух, чуть слышно прошептал:

— Соловей, да без крыльев — едва не помер тут...

Абу Шакур уловил конец фразы, но до смысла ему было далеко.

— Пей. Все мы смертны. — Он вручил музыканту бутылку. — Да и мир обветшал тоже... Сегодня мы живы, а завтра — кто знает, что с нами будет? Глядишь, в могиле окажемся. Пей, пей... Жизнь наша — сукина дочь!

Абу Самир поднял бутылку над головой:

— За здоровье Абу Шакура, мужа среди мужей!

— Да ладно тебе... Ты женат, Абу Самир?

— Нет...— вздохнул музыкант.— Один я на свете:
ни жены, ни сына... Ни отца, ни матери!

— Хм... А чего же не женишься?

— Какая же сумасшедшая за меня замуж пойдет?
Хуже нищего живу, на голове ни одного черного во-
лоса не осталось — гляди!

Абу Шакур расхохотался.

— В этом деле, Абу Самир, черные волосы не глав-
ное. Ты небось это лучше меня знаешь, а? Женщины—
такие бестии, им никогда ничего не хватает.

— Все-то я знаю...— уныло протянул Абу Самир.—
Да толку от этого немного.

Мужчины переглянулись и весело рассмеялись.

— Эх, брат мой, Абу Самир!..— понимающе закачал
головой Абу Шакур.— Однако же не скупись, доставь
удовольствие.

Пальцы старого музыканта прошли по струнам,
взяли несколько нот, словно в раздумье...

— Нашел! — воскликнул он наконец, уселся по-
удобнее на шершавой плите и откашлялся.

В мягких предрассветных сумерках тихо, словно
боясь потревожить кого-то, полились под звуки лютни
слова:

Семь вздохов таит слов бездонный родник.

Земля, пощади меня! — первый из них...

Абу Шакур медленно скрестил руки на груди, по-
качнулся и уронил голову.

...Второй же — увы! сочтены мои дни!

— Сочтены, Абу Самир, сочтены!

Второй же — увы! сочтены мои дни!

Короче полуденной тени они,

Развеяны ветром, что тучи весной,

И путь раскаленный горит подо мной...

Абу Шакур замотал пьяной головой: еще немного,
и непреодолимое уныние овладело бы им. Несколько
глотков арака спасли положение... А Абу Самир все
пел:

На смерть обреченный, остался ни с чем:

Что толку в дорогу мне строить ковчег?..

— Ах, Абу Самир!.. Ты что, меня совсем расстроить хочешь?!

Музыкант молча потянулся к бутылке, но не успел: Абу Шакур размахнулся и зашвырнул ее подальше. Волшебный сосуд ударился о чье-то надгробье и разлетелся вдребезги.

— Пустая,— сказал Абу Шакур и вытащил из кармана новую бутылку.— Не иссякли запасы, слава аллаху!.. Пей, Абу Самир. Ничего толкового не осталось больше на этом свете... Пей!

Музыкант не заставил себя уговаривать.

— Ну, а теперь, может, нам спеть веселую? Пусть сердца немного повеселятся! — Абу Шакур вытер губы, хватив добрую порцию арака.

— С нашим удовольствием, Абу Шакур, с нашим удовольствием! — отозвался музыкант и ударил по струнам.

Ты трясина, трясина, трясина тутовые ягоды!
Эти ягоды мои, тутовые ягоды!..

— Что молчишь-то? Давай подпевай, Абу Шакур, подхватывай! — закричал разошедшийся Абу Самир.

Абу Шакур подхватил песню.

Кроны деревьев зашелестели, раздвинулись над сонным кладбищем. Даже небо просветлело...

Ты трясина, трясина, трясина тутовые ягоды!
Жить без вас я не могу, тутовые ягоды!..

Вдруг до слуха увлеченных исполнителей донеслись чьи-то гневные крики. Абу Самир и Абу Шакур обернулись — к ним, размахивая увесистой палкой, бежал ночной сторож. Стоило ему, однако, приблизиться к восседавшим на могилах нарушителям спокойствия, как энергии в нем значительно поубавилось...

— Доброе утро, дядюшка Абу Шакур!

— Доброе утро?! — выпучил на сторожа глаза хозяин квартала.— Ты чего это? Разве солнце уже взошло?

— Взойдет сейчас...

— Ну, так сядь. Сядь, говорю! — Абу Шакур ткнул пальцем в могильную плиту.

— Слышал, что тебе сказано? Садись, а не то... — вставил Абу Самир. Язык у него заплетался, по лицу блуждала бессмысленная улыбка.

Сторож замялся: ему очень не хотелось беспокоить почтенного Абу Шакура, и все же...

— Тут скоро наряд полиции должен быть... вот-вот придут...

— Никто не придет! — оборвал его Абу Шакур. — А если и придут, что с того?

— Пропал тогда мой дом... — уныло протянул сторож.

Ответом ему был хохот Абу Шакура.

— Знаю я твой дом! Избавишься от своего муравейника, отдохнешь за казенный счет, да и только!

— Отдохнешь, да и только! — вторил Абу Самир своему надежному другу и покровителю.

— Да я навсегда работы лишусь... — взмолился сторож.

— Слышь ты! Совсем из ума выжил — боишься потерять работу, за которую куска хлеба не получить. — Абу Шакур повернулся к музыканту. — Что скажешь, Абу Самир?

— Слова твои — золото, Абу Шакур, чистое золото! — пробормотал тот, силясь подняться.

— Садись! — рявкнул Абу Шакур на сторожа. Блюстителю спокойствия и его невольный нарушитель разом рухнули наземь. Хозяин пирушки протянул случайному гостю бутылку с араком:

— Пей!

— Аллахом клянусь... — начал было сторож.

— Пей, говорю! И ничего не бойся. Ни начальства своего не бойся, ни полицейских, ни жены... Пей и ни о чем не думай!

Сторож взял бутылку и пригубил — скорее из страха, чем из вежливости. Бог с ней, с работой — живым бы поги унести!..

— Э, нет! Так не пойдет! — запротестовал радушный хозяин. — Пей сколько душе угодно. Пей!

Сторож — хотя какой он теперь сторож? — в отчаянии махнул рукой. Кадык его заработал, словно насосная станция...

— Ну, а сейчас ты, Абу Самир... Продолжай! Абу Самир взялся за лютню:

Ты тряси, тряси, тряси..

— Подпевай, дружище! — крикнул Абу Шакур сторожу, которому никак не сиделось на могиле какого-то шейха. — Час веселья наступит — никогда не кончится!

Тутовые ягодки поначалу нелегко давались новичку, но арак сделал свое дело. Три голоса, три судьбы — такие разные, непохожие друг на друга и, казалось бы, несовместимые — соединились и зазвучали в дружном, радостном хоре, приветствуя восходящее солнце, призванное дарить частицы своего тепла и света всем на этой земле — и живым, и мертвым...

Деревня ахнула от изумления, когда мы узнали, что Омар аль-Касем стал... министром. Так вот, Омар, в деревне нашей ровным счетом ничего не изменилось с тех пор, как ты покинул ее: те же пустыри, пожелтевшая зелень, стайки босоногих детей.

...Давно это было. Помнится, расстроился тогда Омар, погрузился, но матери сказал спокойно:

— Чего плакать? Ведь не на виселицу отправляюсь.

Мать смахнула слезы и тихим дрожащим голосом сказала:

— Кроме тебя, у меня никого нет. Береги себя, сыночек. В деревнях повсюду болезни, грязь. Бедный ты мой. Ну почему же нам так не везет? Был бы у нас какой-нибудь важный родственник, глядишь, нашел бы тебе место получше.

— Успокойся, мама, — улыбнулся Омар. — Сын твой не хрустальный. Все будет хорошо...

Деревня радостно переживала сообщение, переданное по радио. Вот это да! Наш Омар аль-Касем стал министром! Да воздастся всевышнему, что жалует, не прося ничего взамен.

— Ну, а министр-то, он чем занимается?

— Министр, говоришь? Да ты знаешь, ему подают такую машину, что от одного вида дух захватывает. Ни с какой красоткой не сравнишь!

— Месяц пройдет — министру зарплату несут. Да такую, что ему каждый день на обед барашка подают. Каждый божий день! Во как!

— А когда он входит в министерство, все чиновники от страха дрожат. Со стульев вскакивают и разговаривают с ним так, будто он Иисус, сошедший на землю.

— А уж если что прикажет — никто не слушается. Прикажет дождю: а ну-ка напой поля — и пойдет дождь. Одним словом, министр все может!

— А если нашему аге¹ прикажет, тот послушается?

...Угрюмые, сумрачные крестьяне пристально рассматривали незнакомого юношу, сошедшего с дамасского автобуса. Их разбирало любопытство. Высоко поднятая голова. Добрые и в то же время строгие глаза. Поздоровался со всеми, как старый знакомый, точно он родом из нашей деревни, наш односельчанин, который ненадолго куда-то уезжал, а сейчас вернулся домой. Оглядел всех, а затем сказал, что его зовут Омар аль-Касем и что он — наш новый школьный учитель...

— Чего тут думать! Надо поехать и поздравить его с назначением, — предложил кто-то из крестьян...

— Поедем все, — с энтузиазмом подхватил другой, — и мужчины, и женщины, и дети.

— Чего там! И коровы поедут, и овцы, и куры, и кролики — всех захватим с собой, — выкрикнул голос из толпы.

— А что? Мысль-то дельная, — заметил кто-то. — Но вот только кто будет платить за автобус? Не идти же в Дамаск пешком?

Ответом было молчание. Один из старейшин деревни сказал:

— Думается мне, достаточно, если поедет кто-нибудь один и поздравит Омара от имени всей деревни. Как-никак Омар знает нашу жизнь и не обидится.

— А кто же поедет?

— Решайте сами, кого посылать, — ответил старик.

— Ну чем плох, скажем, Абу Файяд?

Абу Файяд попытался отказаться, но его возражения утонули в общем шуме:

— Чего там, он по всем статьям подходит. Самый умный в деревне.

— И самый старший! Да и опыта ему не занимать!

---

¹ Ага — титул феодала, помещика.

— К тому же хорошо говорит, перед любимым королем в грязь лицом не ударит.

— Омар тебя любил! Всегда приходил к тебе чай пить.

— Он часто с тобой беседовал.

— Он был тебе другом.

— Разве только мне?! — откликнулся Абу Файяд. — Он всем был другом, Омар любил вас всех, неужели забыли?

...Омар ласково оглядел детей, сидевших не двигаясь, словно загипнотизированные, и мягко сказал:

— Я ваш новый учитель. Меня зовут Омар... Омар аль-Касем. Детей я люблю прилежных, упорных. Что касается лентяев, то я им по-дружески советую перестать лениться...

Мы сказали Абу Файяду:

— Тебе не стоит отказываться. Отправляйся в Дамаск, встретишься с Омаром и передашь ему наши поздравления.

Абу Файяд согласно кивнул. Он был готов выполнить наказ односельчан.

— *Послушай, устаз¹, — обратился староста деревни к Омару, — столько времени прошло, а ты так и не удосужился посетить нашего агу.*

— *А чего ради? — ответил с достоинством Омар. — С ним мне еще не довелось познакомиться, к тому же и он, как мне кажется, не очень-то хочет меня видеть.*

— *Но надо же соблюдать приличия, — возразил староста. — Ага тебе еще пригодится. Посмотри вокруг — вся земля в деревне принадлежит ему одному.*

— *Мои родители, к сожалению, не привили мне хороших манер. А в деревню я приехал учить детей чтению и письму...*

---

¹ Устаз — учитель, наставник; обращение к образованному человеку.

...Провожая Абу Файяда, жители деревни наперебой давали ему поручения:

— Скажи Омару, что мы по-прежнему бедствуем.

— Передай ему, что с каждым годом мы все больше голодаем.

— Мы скоро начнем камни есть.

— Расскажи, что нас замучили вши.

— Расскажи, что мы давно забыли вкус мяса.

— Расскажи ему о наших болезнях.

— Скажи, что нам нужны врачи и лекарства.

— В деревне нет питьевой воды.

— Обязательно скажи, чтобы в деревне скорее провели электричество.

— Не забудь рассказать про бесчинства аги.

— Мы день и ночь трудимся в поте лица, а все достается ему.

Начальник жандармского поста сказал Омару:

— Клянусь аллахом, устаз, вы для меня — что брат родной. Хочу дать вам добрый совет, хотя, впрочем, вы вольны поступать, как вам угодно. Все свободное время вы проводите с крестьянами, а устазу это никак не подобает, ведь, что и говорить, учитель — человек весьма уважаемый.

— Ну и что же тут такого? — спокойно ответил Омар. — Крестьяне — добрые, хорошие люди.

Но начальник не унимался.

— Видите ли, вы с ними разговариваете о таких вещах, что, не дай бог, дойдет до аги, вам тогда не поздоровится. Один аллах знает, чем все это может кончиться...

— Послушайте! — закричал какой-то парень. — Являться без подарка в Дамаск не очень удобно. Надо, чтобы Абу Файяд непременно захватил с собой подарок для Омара.

Крестьяне одобрительно зашумели. Но что же выдать? Что послать?

— Барашка или несколько куриц.

— Такой подарок министру не годится.

— Так что же все-таки подарить?

— Лучше всего,— сказал Абу Файяд,— отвезу-ка я Омару корзину деревенских вишен. Разве вы не помните, как ему нравились наши вишни, как он не раз говорил: «Красный цвет вишен — это кровь паша, наши труды».

С предложением Абу Файяда согласились все.

...Тогда Омар говорил нам:

— *Рано или поздно несправедливости придет конец.*

— *Как вы можете мириться с такой жизнью? — спрашивал он.*

А мы ему отвечали:

— *Глаз-то видит, да руки коротки.*

— *Руки коротки, — раздраженно возражал Омар, — потому что сердце дрожит от страха...*

...Короткие сумерки быстро сменились мраком. Утомленные волнениями дня, бедняки в тот вечер легли спать рано. Они долго лежали в постели без сна, перебирали в памяти все пережитые обиды. Наконец они все-таки заснули. И во сне они продолжали говорить с Омаром, задыхаясь от волнения, вслушивались в его слова... Едва утреннее солнце двинулось в долгий путь по небосводу, к остановке рейсового автобуса, уехавшего в Дамаск, собрались почти все жители деревни.

Поднявшись на ступеньку автобуса, Омар вдруг резко повернулся к нам и громко сказал:

— *У вашего аги в Дамаске большие связи и он сделал все, чтобы убрать меня отсюда, из вашей деревни. Я не хотел перед ним пресмыкаться — мне дороги вы, и я люблю вас. Запомните мои слова: близок день, когда вы освободитесь от аги и ему подобных. Да, да, именно вам, а не только вашим внукам предстоит дожить до этого дня. И тогда земля, которую вы обрабатываете, станет вашей.*

Абу Файяд сел в автобус. В руках он держал большую корзину, полную красных, спелых вишен, ягода к ягоде.

Не успело солнце завершить привычный круг, как мы услышали сигнал автобуса, возвращающегося из Дамаска. Все, точно по команде, ринулись на деревенскую площадь. Подъехал автобус. Абу Файяд вышел мрачный, чернее тучи. В руках, как и в час отъезда, корзина с вишнями.

— Почему ты не отдал Омару вишни? — закричали все в один голос. — Почему ты с ним не встретился? Что-нибудь случилось?

Абу Файяд ничего не ответил, казалось, он не слышал наших вопросов. Он спокойно опустил корзину на землю и, повернувшись к детям, чуть слышно сказал:

— Подойдите сюда, попробуйте вишни. Станете большими — никогда не забывайте их вкус...

И он побрел к себе домой. Мы стеной встали у него на пути.

— Ради бога, скажи хоть, что произошло?

— Умер наш Омар, нет его больше.

Боль пронзила сердце, будто все мы разом осиротели.

На наших глазах Абу Файяд как-то сразу одряхлел и согнулся. Мы долго смотрели ему вслед. Он шел шаркающей старческой походкой.

ЗЕЛЕНОЕ ДЕРЕВО

В маленьком ущелье прохладно от разросшейся зелени. Сквозь гальку на дне высохшего ручья пробивается трава, вверх по горным уступам карабкаются кусты и тоненькие деревца.

Возле скалы стоит и плачет девочка.

И вдруг скала раскололась, словно скорлупа ореха, и из расщелины на тропинку выпрыгнул черноволосый крепыш с блестящими смышленными глазами. От неожиданности девочка перестала плакать. Она вытерла слезы ладошкой и боязливо спросила:

— Ты кто?

— Таляль — Сын скалы! — ответил мальчик. — А тебя как звать?

— Ренда.

— А чего ты плачешь?

— Мама отшлепала.

— За что?

— За то, что плакала.

— А чего же ты плакала?

— Хотела, чтобы мама купила мне красное платье, а она сказала, надо сперва хлеба купить...

Сморщив личико, Ренда собралась вновь расплакаться, но Таляль неожиданно предложил:

— Давай играть со мной? Я ужасно люблю разные игры.

Ренда радостно кивнула головкой.

И они начали играть. Ренда весело чирикала, подражая воробышку, который только что покинул гнездо и учится летать. А Таляль изображал ворона, взмахивая руками, словно крыльями, и протяжно каркал.

— Гляди! — крикнула Ренда, показывая на небо. — Какое красивое облако! Оно такое белое...

— И вовсе это не облако.

— А что же?

— Это большая белая птица...

— Но у нее же нет крыльев?!

— У нее мотор!

— Фу, какой ты глупый! — рассмеялась Ренда. Таляль насушился.

— Ты обиделся? Я ведь пошутила... Давай бегать... Догони меня!

Громко смеясь, она бросилась бежать, и он кинулся за ней. Они долго носились вокруг пригорка, на котором росло стройное дерево с пышной зеленой кроной. Бурные весенние потоки не сломили его. Земля на пригорке поросла травой. В это жаркое лето дерево щедро дарило всем свою тень. Дети устали и сели на траву отдохнуть. Зеленые ветви защищали их от солнца, в тени было прохладно и даже таинственно, как под сводами сказочного дворца...

— А теперь я — принцесса! — сказала Ренда.

— А я — царский полководец! — подхватил Таляль.

— Иди разбей вражеское войско!

— Мои воины уже победили врагов и многих взяли в плен. Вот они, пленные, перед тобой, о повелительница!..

— Ну хорошо, я всех их прощаю. Пусть возвращаются домой, к своим детям.

— А теперь я — нищий. Чур, я буду бедняком! — сказал Таляль.

— А я буду богатой, — сказала Ренда. — У меня много золота — целых сорок кувшинов!

— Нищий стучится в дверь к богатой девочке и просит у нее кусок хлеба.

— Богатая девочка не дает нищему хлеба, но зато дарит ему кувшин золота.

— Всего один кувшин?!

— Знай же, нехороший нищий, что жадность к добру не приводит...

Таляль рассмеялся, а Ренда сказала:

— А сейчас ты будешь вором!

— Да, я — вор! За мной гонятся полицейские, они стреляют в меня, ранят и везут в больницу!

— Там, в больнице, ты умираешь!

— Я не хочу умирать... — запротестовал Таляль.

— Нет, ты умрешь — упрямо сказала Ренда. — А я приду к тебе на могилу и положу белую розу, вот!

— А что бы ты делала, если бы сама стала белой розой? — спросил Таляль.

— Если бы я стала белой розой... — задумалась Ренда. — О, я тогда росла бы на вершине самой высокой горы, куда не может забраться ни один человек!

— Кому нужна роза, которую никто не увидит?

— А кто тебе сказал, что меня никто не увидит? Небо голубое увидит, и белое облако, и дождь, и звезды, и солнце, и луна. И орлы меня увидят...

Дети замолкли. По тропинке прямо на них шли люди, одетые в грубые балахоны в зеленых грязных пятнах. На головах у них были такие же грязные шапки, в руках — ружья. Земля скрипела под тяжестью их башмаков.

Шедший впереди повелительно махнул рукой, приказывая Талялю и Ренде отойти от дерева. Дети поспешно отступили в сторону и, спрятавшись в кустах, глядели, что будет дальше. Люди привязали к стволу дерева мужчину в рваной рубахе. Его лицо было разбито в кровь. Потом они отошли и выстроились в ряд. Резко прозвучали слова команды, люди подняли ружья. Грянул залп...

Человек дернулся и стал медленно оседать, пока тело его, скрючившись, не повисло на веревках. Вместе с человеком качнулось дерево, словно по его стволу пробежала дрожь. Потом оно затрещало и, переломившись пополам, рухнуло на землю.

Люди повернулись и медленно зашагали прочь тяжелым, размеренным шагом. Ренда заплакала и в испуге прижалась к Талялю. Мальчик крепко обнял ее. Они застыли, дрожа от страха.

Два сердечка отчаянно бились, как бьется зверек, загнанный в ловушку, где его ждет неминуемая гибель...

Перед человеческой жестокостью детям не оставалось ничего другого, как превратиться в скалу...

Я с нежностью поглядывал па носки своих ботинок — уличный чистильщик, довольно пожилой мужчина, надраивал их до блеска. Хороши все-таки! Я купил их два месяца тому назад за тридцать пять лир — теперь их, конечно, за эту цену не продашь.

Вот они, дети рода человеческого, оставили работу и столпились вокруг меня в молчании. А я, почтенный гражданин в белой тугой чалме, с длинной черной бородой, медленно обвожу их взглядом, и мой голос, степенный и бархатный, слегка вибрируя от полноты чувств, вызванных торжественностью момента, плавно возносится к небесам: «О люди!.. Туфли — что женщины!..»

Чтобы послушать этот свой голос, я разговорился с чистильщиком. Минувший год, говорю, был счастливым... Да, говорит он, судный день приблизился. Нет, говорю, неправ ты, прошлый год много добра принес: наша кошка нять котят родила. Что ж, говорит, кошки — добрые звери. У него тоже был котенок, так, когда он его вырастил и воспитал, представьте себе, кошка поняла, в какой нищете он живет: отказалась принимать пищу из его рук — у соседей воровала. Я рассмеялся: я тоже, говорю, знал одну кошку, которая так любила своего кота, что целых три года была ему верна... Аллах милосерден, сказал он. Но все-таки, говорю, удивительные вещи бывают на свете. Ничего, отвечает, удивительного: кошки аллахом созданы — добрые твари, единственный их недостаток — па четырех лапах ходят...

Дальше этого наш разговор не продвинулся — чистильщик закончил работу. Я расплатился.

Зашагал я дальше по улице и попытался представить себе, что вокруг меня люди идут на четвереньках. Даже рассмеялся от удовольствия... Но, заметив, как подозрительно поглядывает на меня какой-то мальчишка, торговец сладями, я сделал серьезное лицо и на-

хмурился. Потом купил у этого мальчишки три комочка халвы — а он все глядит на меня этак подозрительно, с опасением... Я на него разозлился и пошел прочь. Выбрал переулочек погрязнее и выбросил там халву. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочил полицейский, схватил меня и — в отделение. Там эту халву обработали — оказалась отравленной.

Вокруг меня столпились люди, стали требовать, чтобы им выдал имя своего врага. Нет у меня никакого врага, говорю. Все осуждающе на меня поглядели, головами покачали: нехорошо, мол, правду надо говорить, к чему эти отнекивания и увертки?! Мы, говорят, давно все про тебя знаем, ты не первый день под наблюдением. Ну, думаю... Даже закричал, не удержался. А им — все одно, притащили какого-то прилично одетого, гладко выбритого молодого человека: вот, говорят, твой враг, это его ты хотел отравленной халвой на тот свет отправить. Господи, говорю, да что же это! Аллах свидетель!.. Тут выискался еще один, толстый такой, и заявляет, что будто бы я ему смертоубийством грозил, если он не согласится выдать за меня свою дочь. Что вы, говорю я людям, я дочь его люблю, и она меня очень любит, как же можно? «Сам ты отравитель! Это ты разрушил нашу любовь, — в гневе закричал я на толстяка. — Ты выпудил нас расстаться. Что плохого, если бедняк на дочери богатого женится? Не тот разве мужчина, в ком достаточно силы детей напмодить и тебя дедом сделать?!»

Услышав такое, мужчины обменялись многозначительными взглядами. Кругом загалдели: нечего, мол, богача с бедняком на одну доску ставить.

Вот тут-то и прекратили свою работу дети рода человеческого, сгрудились вокруг меня в молчании, даже рты разинули от избытка внимания. Закричал я, а голос у меня дрожит, чуть не плачу:

«Братья мои! Некому, кроме вас, ту стену разрушить, что человека от человека отделяет!»

Следователи мне приказали молчать и послали за парикмахером. Вскоре в отделение явился мужчина в белом халате, с черным чемоданчиком в руке.

Слова не сказал — поставил свой чемодан на стол, вытащил из него белое полотенце, обмотал мне шею. Потом вынул бритву, поточил ее о кусок кожи,

смоченной оливковым маслом, наклонился надо мной и попросил не двигаться и не дышать. Я подчинился: куда тут двинешься? А он меня этой бритвой как полоснет — зарезал начисто! И голова по полу покатилась.

Ну и больно же мне было! Поднялся я, шатаюсь, а парикмахер полотенчиком взмахнул. Извольте, говорит.

Сами понимаете — чем я ему отвечу? Вывалился я из отделения, побежал вприпрыжку домой.

Вхожу — мать аж закричала: «Где твоя голова?!»

Ответить ей я тоже не смог — каково без языка-то! А она мне и говорит: «Что же, ты теперь и к зубному врачу не пойдешь?»

Вот тут я расстроился — нет слов! Я же как раз на сегодня записался к стоматологу ставить пломбу. Но потом, когда я понял, что теперь мне нет никакой нужды каждую неделю ходить в парикмахерскую, на сердце у меня полегчало. Ох, как полегчало!

Мухаммед много лет жил в маленьком городке, скромно приютившемся у подножия высоченной горы. Облака лизали ее бурые кручи. Небо над городком было черным — без луны, без солнца и без звезд.

Однажды Мухаммеду пригрезилась женщина. Она стояла склонившись на усыпанном фиалками, влажном от дождя поле и тихо плакала. Светила бледная луна.

Спустя несколько дней он снова встретил эту женщину, она молча и печально брела по улице. Как замороженный, он шел за ней до самых дверей ее дома. Теперь он знал, где она живет. Он стал целыми днями бродить около дома, сгорая от желания увидеть ее.

Облик незнакомки изумлял и смущал его. Она казалась ему неземным созданием, гостьей из неведомого далекого мира. Все в ней: походка, прекрасное лицо, задумчивые глаза — было странно и необычно.

Мухаммед мечтал, чтобы женщина посмотрела на него, улыбнулась ему, но она ни разу не удостоила его даже взглядом. Мухаммед чувствовал себя старым и никому не нужным, как рваный чулок, он казался себе бездомным котом, с жалобным мяуканьем слоняющимся по городу.

Мухаммедом овладевала томящая коварная тоска, и он не находил себе места. Один приятель посоветовал ему обратиться к волшебнику, славившемуся своим необычайным искусством.

Волшебник, мужчина средних лет, сказал Мухаммеду:

— Если хочешь, я доставлю эту женщину к тебе сегодня же ночью. Я перенесу ее в твой дом спящей.

Мухаммед с отчаянием воскликнул:

— Я хочу, чтобы ее глаза были открыты и смотрели на меня с любовью. Я хочу, чтоб она мне улыбалась.

Морщинистое лицо колдуна исказилось презрительной, ядовитой усмешкой. Немного помолчав, он повторил:

— Я могу принести ее к тебе спящей.

Мухаммед ушел от волшебника — он не хотел обладать теплым, но бесчувственным телом. Он бесцельно побрел по дороге. Стоявшие по обочинам деревья с голыми ветвями казались ему тощими дряхлыми женщинами. Дорога привела его к большой мечети. Под сводом купола восседал окруженный толпою седобородый шейх. Он рассуждал о боге и дьяволе. «Бог — творец всего сущего. Ничто в мире не делается без его наущения».

Мухаммед подумал: «Надо молить бога, и моя мечта сбудется».

Шейх продолжал: «Дьявол — враг рода человеческого. Он зло». Мухаммед вышел из мечети. Душа его страстно и бессильно молила: «О боже, помоги мне!»

Однако когда Мухаммед вновь увидел незнакомку, он понял, что его мольба не сбылась. Женщина все так же безучастно брела по полю, ни на кого не глядя и никому не улыбаясь. Он вернулся домой, твердя про себя: «Ее молчанье — зло».

В отчаянии Мухаммед призвал на помощь дьявола. Через мгновение с улицы донесся шум мотора. Подойдя к окну, Мухаммед увидел у края тротуара роскошную черную машину. К нему вернулось острое чувство обиды на людей, не знающих несчастливых дней. В раздражении он отошел от окна и сел на стул. Неожиданно дверь комнаты распахнулась, и вошел элегантный привлекательный мужчина. Мухаммед поднялся, охваченный тревогой. Неизвестный, не говоря ни слова, неподвижно стоял на пороге. Дрожащим голосом Мухаммед спросил:

— Что вам угодно?

Мужчина улыбнулся:

— Ты звал меня. Я не ошибся адресом?

Потом, расхохотавшись, прибавил:

— Я тебя смутил?

Он подошел к кровати Мухаммеда, присел на край и спросил:

— Что тебе от меня надо?

Запинаясь, Мухаммед произнес:

— Есть одна женщина, я хотел бы...

— Итак, все дело в женщине?! — насмешливо прервал его дьявол и, пристально разглядывая Му-

хаммеда, заметил: — Ты ведь не красив и не речист.

Он окинул взглядом комнату Мухаммеда.

— И разумеется, не богат. На что же ты рассчитываешь, мечтая о любви женщины?

— Я хочу только, чтоб она мне улыбнулась! — воскликнул Мухаммед и неожиданно замолчал.

С ним творилось что-то непонятное: он чувствовал себя странником, заблудившимся в лесу, окутанном туманом. Отовсюду ему слышались сдавленные жалобные крики. Как долго он ждал, чтобы его тоскливую, как пустыня, жизнь озарила своим появлением женщина, та, что наполнит все вокруг благоуханием, упоением и радостью... Он возьмет ее под руку, и они вместе неторопливо пойдут по улицам, вдыхая ароматы летней ночи... Поyleт дождь, и их головы будут совсем рядом под одним зонтиком... Иногда они будут ходить в кино и сидеть в темноте, тесно прижавшись друг к другу...

Дьявол печально вздохнул:

— Я тоже влюблен. Однажды мне пригрезилась женщина. Она стояла на усыпанном фиалками, влажном от дождя поле и плакала. Светила бледная луна. Спустя несколько дней я снова увидел эту женщину. Она смотрела на улицу из окна своего дома. Я не смог добиться от нее ни слова.

Лицо дьявола стало похоже на печальную маску.

«Да он смеется надо мной», — подумал Мухаммед.

Дьявол потянулся и, громко зевнув, развалился на кровати.

— Я очень устал, — сказал он. — У меня много работы... Мой маленький сын всю ночь плакал не переставая и не давал мне спать.

Мухаммед нерешительно спросил:

— У вас есть дети?

— Я уже три года женат. Уфф! Как трудно содержать семью... детей... жену... «Папа, купи костюмчик... Папа, хочу книжку. Папа, своди нас в кино... Папа, соседские ребята дерутся...» А жена смотрит на кошелек и, протягивая руку, просит: «Дай!» Трудно быть человеком, все равно, живым или мертвым.

Дьявол замолчал и через минуту погрузился в сон. Мухаммед встал возле кровати, рассматривая усталое красивое лицо. Его охватила глубокая жалость.

Он взял толстое шерстяное одеяло и укрыл спящего.

Мухаммед принялся бродить по комнате из угла в угол, в страхе ожидая, что вот-вот что-то произойдет. Внезапно ему представилась огромная гора, возвышающаяся над городом... Мухаммед поднимется на гору... Он достигнет вершины, на которую не ступала нога человека... Он глубоко вдохнет горный воздух и посмотрит с высоты вниз... У подножья горы жалкими обломками разбитой игрушки рассыплются городские кварталы.

Мухаммед пришел в восторг от нарисованной воображением картины, но тут же задумался: а что потом?

Он понял, что ему придется покинуть вершину, спуститься вниз и найти там то, что он давно ищет.

Мухаммед в изнеможении упал на стул. Перед его глазами вновь возникло знакомое видение: поле фиалок и склонившая голову красивая плачущая женщина. С улицы донесся резкий скрежет тормозов и послышались испуганные крики. Мухаммед бросился к окну и увидел, что какая-то машина сбила прохожего. Через несколько минут появилась «скорая помощь» и увезла окровавленное тело. Мусорщик сердито счищал с мостовой кровавое пятно.

Сгорбившись, Мухаммед отошел от окна. Небо над городом было черным, без проблеска света.

ОГОНЬ И ВОДА

Стоя перед зеркалом и неторопливо причесываясь, Фавваз самодовольно улыбнулся. Отец бросил на него насмешливый взгляд, а мать, перехватив этот взгляд, быстро проговорила:

— Постыдился бы. Не мужское это занятие — вертеться перед зеркалом.

— Ты что же, хочешь, чтобы я ходил по улицам с головой, похожей на ежа? — отозвался Фавваз.

— Причесывайся, причесывайся, — сказала мать. — Ты за словом в карман не полезешь.

— Послушай, жена. В старые времена полицейские патрули, обыскивая по ночам подозрительных прохожих, находили у них кинжалы, ножи и гранаты. А теперь... — Отец усмехнулся, стараясь, чтобы усмешка получилась язвительной. — А теперь, если бы патрули обыскивали современных парней, они нашли бы в их карманах только зеркала да расчески.

— Благодарю бога, Абу Фавваз, что парни не носят с собой пудру и губную помаду, — сказала мать.

— Кто знает... — буркнул Фавваз, завязывая шнурок ботинка.

— Уж не хочешь ли ты сказать, эфенди, что носишь с собой пудру и губную помаду? — спросил отец.

Фавваз не ответил. Он направился к двери, и мать спросила:

— Ты куда?

— Пойду пройдуся немного.

— Давай, давай. Может быть, у тебя голова станет лучше соображать, — сказал отец.

В душе Фавваза вспыхнула обида, однако он ничего не сказал и быстро вышел из дома. Оказавшись в переулке, он на мгновение остановился. Лепившиеся друг к другу глинобитные дома представились ему остатками скелета древнего вымершего животного. Выпрямившись, он быстро пошел вперед, по, проходя мимо одного из домов, замедлил шаг и, подняв голову,

взглянул на крайнее окно. Оно было закрыто, и Фавваз опять быстро зашагал вперед, в сторону широких проспектов, удаляясь от своего переулка и соседних узеньких улочек.

Дойдя до улицы, с которой автобусы ходили во все концы города, он с облегчением вздохнул и остановился у автобусной остановки. Взглянул на часы. Было без десяти три. Он неторопливо расхаживал рядом с остановкой. Через некоторое время опять посмотрел на часы. Вокруг раздавались крики торговцев, прямо на тротуаре разложивших свой товар: расчески, лезвия, газеты, карандаши.

Его внимание привлек задумчиво сидевший на корточках старик, перед которым стояла корзина с букетиками голубых фиалок, белых и желтых нарциссов. Взгляд Фавваза остановился на цветах, и он подумал про себя: «Отец голубой, мать белая, а я... я желто-бело-голубой».

В этот момент рядом раздался тихий, нежный голос:
— Фавваз!

Он обернулся и увидел девушку, которую ждал.

— Ты опоздала, Ильхам, — сказал он, улыбаясь.

— А который час? — спросила Ильхам.

— Четыре минуты четвертого.

— Я опоздала всего на четыре минуты.

— Они показались мне четырьмя годами. Я уже думаю, ты не придешь.

— Мне пришлось долго уговаривать мать отпустить меня к портнихе.

— Так, значит, я портниха, — весело сказал Фавваз.

Он посмотрел на нее влюбленными глазами. Она была красивой, стройной, и даже под черной милайей¹ угадывалась зрелая красота ее тела. Глаза девушки радостно улыбались из-под тонкой черной вуали, прикрывавшей лицо.

Подождал автобус, они вошли и сели рядом. Когда к ним приблизился кондуктор, Фавваз не без гордости протянул ему деньги за два билета.

Автобус начал петлять по незнакомым улицам.

— Ну, как дела? — спросил Фавваз.

---

¹ Верхняя жепская одежда типа накидки.

— Я видела, как ты проходил мимо и посмотрел на наше окно, — сказала Ильхам.

— А ты где была в это время?

— У окна, конечно.

Он чуть-чуть прижал Ильхам своим плечом и нежно посмотрел на нее. Им было хорошо вдвоем, и они ехали молча, не пытаясь выразить словами переполнявшие их чувства. Кондуктор крикнул: «Конечная остановка».

Они вышли из автобуса.

— Куда мы пойдем? — спросила Ильхам.

— Если бы ваш дом не был так близко от нашего, я повел бы тебя к себе, — сказал Фавваз.

— Ты скажешь своей матери про нас, когда мы придем к ней вместе?

— Она, конечно, очень обрадуется и закричит: «Радость-то какая!»

— Но ведь так кричат на свадьбах.

— Да, да. Будет свадьба.

— Чья свадьба?

— Одного парня, которого зовут Фавваз.

— А кто невеста?

— Девушка по имени Ильхам.

Ильхам смущенно улыбнулась. А Фавваз сказал:

— У меня есть к тебе одна просьба.

— Какая?

— Я хочу увидеть твое лицо.

— Смотри. Кто тебе мешает?

— Но я не хочу смотреть на него сквозь эту черную стену. — Он указал пальцем на вуаль.

— Нет, — ответила Ильхам.

— Мы сейчас далеко от дома, никто нас здесь не знает, чего же ты боишься?

Ильхам приподняла вуаль, закрывавшую ее нежное, белое лицо с большими черными глазами. Он глядел на нее с восхищением. Она лукаво спросила:

— Ну, исполнила я твою просьбу?

— У меня есть еще одно желание.

— Тебе все мало?

— Я хочу взять тебя за руку.

— Я закричу и позову полицию.

— Ну и кричи.

— Придут полицейские.

— Пусть приходят. Я им скажу: эта девушка — моя невеста, и вы не имеете права вмешиваться в личную жизнь граждан.

— Вот интересно!

— Они поймут, что ошиблись, им станет неловко, они извинятся и уйдут.

— Это тебе будет неловко, когда твои ноги втиснут в фалаку¹.

Он взял ее за руку и сказал:

— Да здравствует фалака. Давай, кричи!

Она безуспешно попыталась высвободить свою руку.

— Как не стыдно! Люди на нас смотрят, — сказал он. Ей пришлось сдаться.

Они медленно шли по обсаженной деревьями широкой улице с красивыми домами. Показав на одно из зданий, Фавваз спросил:

— Тебе нравится этот дом?

— Очень красивый.

— Говори прямо. Если он тебе не нравится, я подберу что-нибудь получше... Посмотри, — и он указал на другой дом, окруженный большим зеленым садом.

Ильхам с любопытством оглядывалась по сторонам.

— Тут все дома красивые. Кто здесь живет?

— Те, у кого есть деньги.

— Значит, мы не будем здесь жить.

— Нет, будем.

— Это как же?

Фавваз на мгновение задумался, а потом заговорил с жаром:

— Вот слушай. Появится неизвестная болезнь, а болеть ею будут только богачи. Они все умрут за один день, их похоронят, а дома останутся пустыми. В них поселятся бедняки, а мы как раз и есть бедняки. Разве не так?

Ильхам кивнула и замолчала.

— Фавваз!

— Что?

— Я боюсь жить в доме, хозяин которого умер.

— Тогда дело сложнее. Выход найти нелегко. Посмотри вокруг. Тебе нравится эта улица?

---

¹ Приспособление для экзекуции.

— Очень. Наш переулок в сравнении с ней кажется могилкой.

— Ну, значит, когда мы поженимся, мы купим палатку, установим ее здесь на тротуаре и будем в ней жить.

— А если придут полицейские и скажут: «Запрещено»?

— Перейдем на другую сторону.

— А если и оттуда прогонят?

— Вернемся сюда.

Ильхам засмеялась, и Фавваз нахмурился.

— Тебе не нравится, как я смеюсь? — спросила Ильхам, посерьезнев.

— Если ты не перестанешь смеяться, пойдет дождь.

— Тогда я лучше не буду смеяться.

— Почему?

— Если пойдет дождь, мы промокнем.

Фавваз расхохотался, Ильхам тоже засмеялась. Но вдруг они услышали, что за их спиной кто-то тоже смеется, смеется громко и ехидно. Они обернулись и увидели четырех красивых изящных девушек в коротких платьях. Девушки смотрели на молодую пару насмешливыми недобрыми глазами. Одна из них сказала подругам:

— Мне понравилось это покрывало. Завтра надену такое же.

— Надевай и приходи к нам поугагать моих братишек. А то они совсем не слушаются, — подхватила другая.

Руки Фавваза и Ильхам сжались крепче, они ускорили шаг.

— Ха! Они убегают.

— Мы тоже можем пойти быстрее.

— Ходьба — полезный вид спорта.

— Он держит ее за руку.

— Стыд!

— Падение нравов!

— А может, это его жена?

— Стал бы он держать ее за руку на улице, если бы это была его жена!

— А за что же ее держать!

— Бесстыжая!

— Она, наверное, его невеста.

— А почему не возлюбленная?

— Лейли и Меджнун.

Одна из девушек громко заявила:

— Тихо... я веду радиорепортаж с места событий.

Наигранно откашлявшись, она заговорила с напыщенной дикторской интонацией:

— Дамы и господа! Сейчас я следую за одной парочкой. Парень — в сильно потрепанных брюках, но, смею вас уверить, па них нет ни одной заплаты. На нем рубашка, которой никогда не касался утюг. О, какая неожиданность! На ногах парня ботинки! Не смейте утверждать, что бедняки в нашей стране раздеты и разуты. Что касается девушки, то я не могу описать ее за недостатком времени. Если говорить кратко, она — ходячий фольклор. Где же любознательные туристы, где они?

Девушки громко засмеялись. Фавваза охватило бешенство. Он остановился, обернулся и, широко расставив ноги, смотрел на девушек, задыхаясь от гнева. Те ничуть не смутились. Во взглядах, которыми они смерили Фавваза и Ильхам, сквозило величайшее пренебрежение. Они, пересмеиваясь, неторопливо прошли мимо Фавваза и Ильхам, оставляя после себя презрение, как нечто живое, осязаемое, нетленное.

Земля разверзлась, и ее недра поглотили Фавваза и Ильхам. На улице остались только пышные здания и их обитатели.

Мужчины квартала Саади оторопело глядели на Айшу, дочь Абдаллаха аль-Халаби. Без традиционной милайи она шла легкой походкой, высоко подняв голову, покрытую небольшим платком в зеленых и красных разводах. Они долго глядели ей вслед. А потом, когда Айша скрылась за поворотом, с сожалением покачали головами. Но сожаление быстро сменилось негодованием — это было из ряда вон выходящим событием.

Едва наступил вечер, мужчины собрались в доме шейха Мухаммеда. По заведенному обычаю пришедшие поцеловали морщинистую, жилистую руку шейха, с глубоким уважением поглядели на его белую, окладистую бороду, а затем вытолкнули вперед одного порочистей, и тот рассказал, какой неприглядный поступок совершила Айша, дочь Абдаллаха аль-Халаби. Выслушав его, шейх Мухаммед удивленно сказал:

— Что же это такое? Просто поверить не могу. Абдаллах аль-Халаби — человек пабожный, благочестивый, ни одной молитвы не пропускает. Да, правильно говорят, что и у роз вырастают шипы.

Кто-то из присутствующих обратился к шейху робким, занскивающим голосом:

— Что же нам делать, шейх? Направь нас, подскажи!

— Поговорите сначала с ее отцом или братом, — посоветовал шейх Мухаммед.

На следующий день мужчины пришли к брату Айши, рассказали ему, что видели, как его сестра гуляла по кварталу без милайи. Но он спокойно ответил, что Айша поступила в университет, а туда не принято ходить в черной милайе. Услышав это объяснение, мужчины заявили, что жители квартала возмущены поведением Айши, что ходить без милайи большой грех —

ведь ее посят здесь все женщины. В ответ брат Айши без обиняков сказал, что лучше бы они присматривали за собственными женами и дочерьми, а что до Айши, то она как-никак его сестра и ее поведение их совершенно не касается.

В бессильной ярости они вышли из дома Айши, наперебой повторяя, что ее брат — легкомысленный и глупый юнец и ровным счетом ничего не понимает. И все дружно решили, что следует срочно поставить в известность отца Айши.

Без особого волнения выслушав все, что говорили о его дочери, старый Абдаллах встал на ее защиту и с обидой заметил, что свою дочь воспитал хорошо, как подобает истинному мусульманину, и уверен, что она целомудренна и ведет себя как следует. Заканчивая неприятный разговор, он с усмешкой спросил:

— А что, по-вашему, если проститутка наденет милаю, она тотчас же станет порядочной и уважаемой женщиной?

Вновь испытывая гнетущее чувство собственной беспомощности, мужчины вышли на улицу. Вечером они опять собрались у шейха Мухаммеда и рассказали ему обо всем. Шейх с грустью покачал головой и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Что и говорить, в последнее время женщины стали забывать про милаю, ходят всюду с непокрытой головой, одеваться предпочитают, как мужчины, так что иногда не разберешься, кто мужчина, а кто женщина.

Сказав это, шейх закатил глаза и с мольбой в голосе добавил:

— О боже наш всемогущий, избавь нас от этой печали.

И все тихо откликнулись:

— Аминь!

Кто-то возбужденно выкрикнул:

— Квартал наш всегда отличался благочестием и должен остаться таким навсегда.

Шейх продолжал:

— Женщина — порождение порока, дай ей волю, она повсюду будет сеять зло и горе.

— Я вот о чем думаю, — подал голос кто-то из собравшихся, — промолчим сегодня, того и гляди насту-

пит день, когда все женщины квартала пойдут по стопам Айши. Надо действовать!

— Я стар и немощен, — сказал шейх, — прожил день, и на том спасибо, ведь завтрашнего дня для меня может и не быть. Прожил педслю — хорошо, а буду ли жив на следующей неделе, не знаю. Прожил месяц — хвала аллаху, а что будет потом — ему одному ведомо.

— Да продлит аллах твою жизнь!

— Да хранит тебя аллах, и ты всегда будешь опорой и разумом всего нашего квартала!

— От смерти никуда не уйдешь, — заметил шейх. — Всему живому суждено превратиться в прах. Благодарение аллаху, мне довелось дожить до глубокой старости. Каждый шаг теперь приближает меня к могиле. Любой разумный человек в такую пору отстраняется от мирских дел и готовится к путешествию в иной мир, в мир вечной жизни, мир нетленный. Но все же свое слово о случившемся я скажу. Милая для женщины — это защита, впрочем, и для мужчины тоже. Только представьте себе, что может случиться, если женщина вдруг станет разгуливать без милай! Ее фигура будет тогда видна всем, и только мужчина глянет в ее сторону, как тотчас же почувствует, что дьявол искушает его и склоняет к прелюбодеянию.

Шейх Мухаммед закашлялся и долго не мог остановиться. Наконец, откашлявшись, он вытер глаза и продолжил:

— Дети мои и братья, потворствующий греху сам совершает грех. Поступайте так, как сочтете благо разумным. Да ниспошлет вам аллах удачу.

Мужчины тут же принялись возбужденно спорить, как им лучше действовать, и наконец после долгих размышлений решили, что, изгнав из квартала всю семью аль-Халаби, они тем самым ликвидируют порок в самом зародыше.

На следующий день, когда Айша возвращалась из университета, ей неожиданно преградили дорогу трое парней. Один из них с усмешкой спросил:

— Куда путь держишь, красавица?

— С чего это ты вдруг заинтересовался? — насторожилась Айша.

— А разве нельзя спросить?

— Иду домой — ну и что?

— Дом твой никуда не убежит. Послушай, а как пасчет того, чтобы пойти с нами погулять?

— Посмотри на нас, — вмешался второй. — Нас трое, парни хоть куда, только представь себе, как тебе будет с нами хорошо!

— Как вам не стыдно, — возмутилась Айша. Ее щеки залил румянец.

— Зачем же так строго? — сказал третий. — Сердиться, право, ни к чему. Мы тебе заплатим, как платят другим, а хочешь — можем дать и больше! Только скажи, что пойдешь с нами.

— В нашем квартале так с девушками не разговаривают. — Айша в ужасе смотрела на парней.

— Ах, так ты, оказывается, из нашего квартала? Соседка, значит... — с издевкой заметил первый. — Вот как! А я-то грешным делом подумал, что ты иностранка, ведь наши девушки, — он сделал ударение на слове «наши», — одеваются совсем по-другому. Так что извили...

— Ну ладно, оставим ее сегодня в покое, — сказал третий, — поговорили и хватит. Но завтра она так просто не отделается. Пойдет с нами как миленькая, хочется ей или нет! Так что до завтра, красавица!

Довольно гогоча, парни отошли в сторону, а Айша со всех ног бросилась домой. У себя в комнате она в изнеможении упала на постель и зарыдала. Прибежали мать и брат. Узнав, что случилось, брат Айши бросился на улицу. Дальше события развивались стремительно. Он быстро нашел этих парней — они стояли недалеко от его дома, шутили и смеялись — и подбежал к ним, задыхаясь от гнева.

— Как вам не совестно? Чего пристааете к моей сестре? У вас ведь, наверное, тоже есть сестры или подруги?

— Заткнись, — резко сказал один из парней. — Не таким подонкам, как ты, говорить о наших сестрах.

Брат Айши подался вперед и дал пощечину говорившему. Тот отскочил в сторону и вытащил из кармана нож. Все почувствовали, что сейчас произойдет что-

то ужасное. Брат Айши попытался снова броситься на обидчика, но двое других схватили его за руки. Еще мгновение — и нож попал в цель.

Когда зашло солнце и на город опустились сумерки, все мужчины квартала Саади во главе с шейхом Мухаммедом приступили к вечерней молитве. А семья аль-Халаби тем временем облачалась в траур.

Мустафа Сириец любил слушать народные песни — тоскливые и бесконечные, как пустыня. Любил смотреть на звезды и любоваться зеленой травой, но он уже устал строить людям дома из камня и глины, и скоро глаза его должны были закрыться навсегда. Смерть — холодный белоснежный бутон — ожидала своего часа, затаившись в его жилах, и папоминала о себе, обдавая сердце строителя холодом. Однажды утром бутон наконец распустился. Мустафа Сириец с довольной усмешкой подумал, что все дома, на строительстве которых он пролил столько пота, неизбежно рухнут и исчезнут вместе с ним. Как одержимый, с горящими глазами помчался он по желтым улицам и переулкам, призывая ветер голосом, полным гнева, удивления и досады. Рухнули стены, замолкли песни, а Мустафу вскоре похоронили под зеленой травой, на кладбище, окруженном со всех сторон домами. Его жена, Лямия, горевала и плакала весь день, но едва ночь накинула на землю свое тонкое покрывало, Лямия перестала рыдать. Она легла одна на широкую кровать и представила себе, как люди в белых одеждах подхватили ее мужа под руки и повели его на пышную, раскинувшуюся ярким зеленым ковром землю...

А печаль была в ту ночь одинокой голубкой — летела она сквозь проливные дожди в сером унылом небе. Легкий сон — младенец с опущенными ресницами, с черным цветком в руке и ласковой бархатной песней на устах — смежил веки Лямии...

Раздался стук в дверь, drobный и частый, как кашель мужа. Лямия проснулась, напрягая слух, приподняла голову и потерла глаза. Стук не прекратился. Подавляя зевок, она лениво спросила:

— Кто там?

— Открой! — ответил резкий, повелительный голос.

Лямия поднялась с постели и зашлепала босыми ногами по холодному полу, залитому лунным светом.

Со страхом и в то же время сгорая от нетерпения, она распахнула дверь.

На пороге, словно дерево с обрубленными сучьями, стоял ее муж, завернутый в белый саван.

Мустафа Сириец быстро проскользнул в дом и, нахмутив густые брови, бросил жене:

— Закрой дверь! Живо! Вокруг полно воров развелось.

Лямия послушно заперла давно прогнившую дверь на задвижку и вслед за мужем прошла в спальню.

Мустафа растянулся на кровати и утомленным голосом сказал:

— Не зажигай свет... Ты что, спала?

Лямия ничего не ответила. Дрожь от страха, она прилегла на краешек кровати. Мустафа обнял ее.

— Согрей-ка меня.

Его голос все время менялся. Теперь он потерял былую мягкость, стал каким-то сухим и ломким, в нем звучал страх.

— Не могу я там спать...

Лямия попыталась что-то сказать, но язык ее не двигался, будто окаменел. А Мустафа все говорил и говорил, и слова его разлетались по комнате, как брызги грязи с крыльев решившей отряхнуться мокрой вороны.

— ...Мне еще повезло, — говорил Мустафа, — могилка недалеко от дома, слава аллаху, по пути не нарвался на полицейский патруль. Господи, до чего жалко-то их, тех, кого далеко от родного дома захоронили. Им ведь в могилах спать приходится...

Голос Мустафы звучал все тише и тише, пока он наконец не уснул, оставив Лямия наедине с ее путавшимися мыслями. Она лежала неподвижно, уставившись широко открытыми глазами в потолок. В горле бедной женщины будто комок стоял.

Раздался громкий, бесцеремонный стук в дверь. Несчастную вдову охватил ужас. Очнувшись она уже на пороге и дрожащими руками приоткрыла дверь. На нее смотрели двое полицейских в необычной белой форме.

— Твой муж, Мустафа Сириец, здесь? Зачем ты разрешила ему вернуться домой и лечь в постель? Ты

что, не знаешь, что это противозаконно? — гневно обрушился на нее широкоплечий усач.

Отстранив женщину, полицейские прошли в дом, спотыкаясь в темноте и громко чертыхаясь. Обнаружив Мустафу на кровати, они разразились руганью. Покойник подскочил как ошпаренный и, увидев незваных гостей, стал звать на помощь. Не обращая внимания на его крики, полицейские стащили Мустафу с постели и поволокли за собой. С глухим деревянным стуком тело покойника ударялось об углы и пороги.

Вопли Мустафы еще долго разносились в бесконечном ночном безмолвии...

В доме вновь воцарилась тишина. Женщина одиноко лежала на широкой постели, ветви оливы скреблись в окно, играя лунным светом. Лямия встала, щелкнула выключателем, подошла к зеркалу и долго всматривалась в свое отражение. Потом улыбнулась, потушила свет и, опустив голову на подушку, тотчас забылась глубоким сном. На ее лице застыла безмятежная улыбка.

А Мустафа Сириец в это время предстал перед судом. На усталом морщинистом лице судьи играла снисходительная улыбка — как-никак ему шла уже не первая тысяча лет. Обвинение в бегстве, в уклонении от обязанностей предъявил он Мустафе Сирийцу. Строитель не нашелся, что ответить, — при жизни он от работы не бегал. И лишь заметил, что могила — аллах свидетель! — неподходящее место для человека. Судья радостно засмеялся и огласил приговор.

Люди в белых одеждах подхватили Мустафу под руки, повели его на пышную, раскинувшуюся ярким зеленым ковром землю. Там ему объявили, что пришла пора поработать на строительстве прекрасных дворцов, а не каких-то там домишек из камня и глины. Сирийцу не хватило слов — небо огласилось судорожным отчаянным воплем. Мустафа озирался вокруг, как зверек, загнанный в клетку, его глаза беспомощно молились о пощаде, словно младенцы, над которыми занесен нож.

Над горькой и черной от пота землей Мустафы и над пышной зеленой землею висело одно, выкованное из стальных прутьев, небо.

БЕДУИН

Юсефу нечего было делать, и он последовал за похоронной процессией. Бросив окурок сигареты, он присоединился к мужчинам, шедшим за гробом. Гроб несли на плечах. Юсеф шагал не спеша, с достоинством скрестив руки на груди, слегка склонив голову и прислушиваясь к высокому, приятному голосу муэдзина, пронизанному тоской.

Муэдзин, тучный низкорослый человек с черной бородой, шел впереди, прямо перед гробом, между двумя рядами мужчин, несущих ветви зеленого мирта.

На небольшом расстоянии за мужчинами следовало несколько женщин, закутанных в черные покрывала.

Кладбище было недалеко. Юсеф остановился между белыми надгробьями, широко расставив ноги. Над кладбищем яркое желтое солнце и голубое небо. В нос бьет запах земли, пота и мирта. Мужчины поставили гроб на землю и облегченно вздохнули. К гробу подошел могильщик. Его одежда и лицо были запачканы землей. Он наклонился и хотел приподнять гроб. Какая-то женщина пронзительно закричала: «Лейли, моя дорогая! Это я, твоя мать!» И Юсефу представилось, как мертвая девушка поднимает крышку гроба и говорит: «Здравствуй, мама».

Тело покойной вынули из гроба. Оно было завернуто в блестящую фиолетовую ткань. Покойницу бережно подняли над могилой. Раздались пронзительные вопли женщины, оплакивающей девушку, ушедшую в мир иной совсем молодой, не успевшей вкусить радостей жизни. Могила была уже вырыта. По сторонам ее возвышались горки земли и мелких камней. Групп опустели в чрево могилы, и мрак поглотил его.

Среди провожавших покойную Юсеф увидел красивого юношу в серых брюках и белой рубашке. Его волосы были гладко зачесаны назад. Юсеф улыбнулся, заметив, что у юноши несвежий воротник. Парень стоял у края могилы, в растерянности глядя вниз, и вдруг

громко зарыдал, закрыв лицо руками. Юсеф услышал пронесшийся в толпе мужчин шепот: «Это ее жених».

Юсеф закрыл глаза. Покойница никогда уже не наденет белое платье. Женщины не будут, как заведено, радостно шуметь на ее свадьбе. Красивый юноша никогда не обнимет ее, говоря: «Любимая моя».

Вдруг парень резко шагнул вперед, как будто собирался броситься в могилу. Мужчины подхватили его под руки и увели прочь, бормоча слова соболезнования и утешения.

Могилу закрыли тусклой белой плитой и насыпали сверху холмик земли. Причитания женщин становились все громче, мужчины вытирали глаза белыми платками. Волна печального гомона захлестнула кладбище. Юсеф медлил, застыв на месте. Он был убежден, что смерть заметила его и сейчас жадно и злобно следит за ним.

Кладбище опустело; постепенно удаляясь, вопли затихли. Юсеф теперь стоял один, тупо глядя на невысокий холмик.

Подошел могильщик и сердечно пожал ему руку, выражая соболезнование, потом вздохнул: «Да, смерть — трудная штука». Юсефу несколько не показалось смешным, что могильщик припаял его за родственника покойной.

Ссутулившись, могильщик пошел прочь, но вдруг обернулся и бросил на Юсефа взгляд, полный покорности и смирения. В этот миг Юсеф почувствовал, что он непонятным образом связан с покойной, и поспешил покинуть кладбище. Медленно брел он по обсаженной деревьями улице. Над головой жарко пылало солнце. Он дошел до центра города. Здесь было шумно. Он продолжал бесцельно брести, ссутулившись и механически передвигая ноги по тротуару. По привычке Юсеф стал придумывать прохожим прозвища. Этот — носорог, этот — навозный жук, а тот — барабан. Он прислонился к парапету набережной и неподвижно стоял, глядя вниз на реку, легко и плавно несущую свои воды в ярких лучах солнца. Он даже ненадолго закрыл глаза, прислушиваясь к журчанию воды, а затем лениво побрел дальше. Ему нечего было делать. В подобные минуты он чувствовал, что на земле нет ничего истинного. Ему не хотелось жить, но умирать он тоже не хо-

тел. Ему вообще ничего не хотелось. Он предпочел бы лежать на спине под теплыми солнечными лучами, изредка позевывая и спокойно поджидая старость, а затем и смерть.

Спина и ноги заныли от усталости, и он отправился домой. Он жил в подвальной комнате с кухней. Раньше в этой комнате складывали дрова для квартиры первого этажа, где жил хозяин дома. Юсеф вставил в замочную скважину медный ключ, повернул его, открыл дверь и вошел в подвал. Закрыв дверь, он еще острее почувствовал себя оторванным от мира, чужим, посторонним в водовороте яркого, шумного дня, бьющего жизнью на улицах города. По каменным ступенькам он спустился в комнату. Ее три оконца выходили в сад. Посреди комнаты на дощатом столе стояла небольшая фигурка из старого пожелтевшего дерева, изображающая бедуина верхом на поровистом коне. Юсеф бросил на бедуина унылый взгляд. Его настойчиво одолевало томительное желание послушать музыку.

Он растянулся на узкой железной кровати, и его глаза остановились на тусклом белом потолке, напоминающем плиту, закрывшую могилу. Покойница по имени Лейли, еще совсем молодая, сейчас одна-одиношенька в темной яме, а наверху — голубое небо, сияющее солнце, яркая зелень деревьев. В порыве безотчетного и горького разочарования Юсеф уткнулся лицом в подушку. Он умрет. Желание смерти и страх перед ней, как два голоса, сливаясь, все громче звучали в его душе. Он перережет себе вены и будет плакать, прижимаясь лицом к холодной твердой плите, и, прощаясь с кем-то, чье лицо не знает, скажет: «Прощай». На несколько мгновений подвал показался ему настоящей могилой. Вдруг какое-то движение в саду привлекло его внимание. Что-то ребяческое встрепнулось в его душе. Он вскочил с кровати и подошел к окну. Самира, дочь хозяина дома, рвала цветы с куста жасмина неподалеку от окна. Он жадно разглядывал девушку. Ее черные волосы спадали на плечи, а дерзкие глаза бросали вызов. Она стояла на цыпочках, пытаясь сорвать цветок с высокой ветки, и Юсеф заметил, какие у нее белые ноги.

Он придвинул к окну стул и встал на него. Приблизив лицо к ржавой решетке окна, поверх которой была

натянута еще и железная сетка, он тихо позвал: «Самира!»

Самира продолжала рвать жасмин, а красивое лицо оставалось неподвижным, как маска. Юсеф опять окликнул ее, и голос его звучал настойчиво и умоляюще: «Самира, Самира!»

Она не ответила. Он решил, что она нарочно не замечает его. Обида, горечь и унижение щемящей болью отозвались в сердце. Самира не из подвала. Залитая лучами солнца, она твердо и уверенно стоит там, наверху. Она такая молодая, ей нет еще и шестнадцати.

И Юсеф опять погрузился в скрытое от людских глаз подземелье. Он закурил сигарету и зашагал по комнате из угла в угол, пытаясь справиться с негодованием, закипавшим в душе и требовавшим выхода. А Лейли мертва, она не видит солнца, она лежит в могиле, закутанная в блестящую фиолетовую ткань.

Самира снова поднялась на цыпочки, и Юсеф опять заметил белизну ее ног. Ткань холодит тело Лейли. Юсефу неудержимо захотелось увидеть лицо покойной. Ее мать кричала: «Лейли!» Нет. Он не увидит ее лица, пока не наступит ночь. Ночь — его подруга. Она — черный савап. Лицо Самиры сохраняло высокомерие. Негодование Юсефа не знало границ. Он вопьется ногтями в землю и, лихорадочно разгребая ее, сдвинет плиту и проскользнет вниз. Луна будет светить над кладбищем, и ее бледный свет упадет в могилу. Робкие, но настойчивые руки снимут ткань с бездыханного, холодного и в то же время горячего тела. Нет, он не осмелится взглянуть ей в лицо. Луна предаст его и скроется, оставив в одиночестве. Покойная откинет покрывало с лица и резко, испуганно вскрикнет.

Юсеф прикусил губу. Ужас расплзался по его жилам. Самира наклонилась к окну и весело спросила:

— Юсеф, ты что?

— Где ответ на мое письмо?

— Я бросила его в окно кухни.

Самира отошла от окна. Юсеф слышал, как она поднялась по небольшой каменной лестнице и вошла в дом. Он поспешил на кухню, единственное окошечко которой выходило в сад за домом. В железной сетке на окне Юсеф как-то раньше проделал ножом отверстие.

Самира обычно бросала туда свои письма. Он нашел свернутый в трубочку листок бумаги, повеселел, вернулся в комнату, придвинул стул к столу, сел и начал читать: «Мой любимый Юсеф...»

Сверху послышался стук. Юсеф улыбнулся: Самира, как обычно, стучала ногой в пол гостиной. Это значило, что она придет поговорить с ним. Юсеф вернулся в кухню. Почти тотчас же в сад пришла Самира и, опустившись на колени, прижалась лицом к окну. В кухне было темно. «Юсеф», — позвала она шепотом. Он не ответил. Она еще раз негромко позвала: «Юсеф! Юсеф!»

Он канилянул в ответ, а она нетерпеливо спросила, слегка краснея от смущения:

— Ты прочел мое письмо?

— Да, прочел.

— Так где же ответ?

— Я не написал его.

— Почему?

— Потому что я на тебе женюсь.

Она негромко рассмеялась.

— Открыть тебе дверь?

— Зачем?

— Ведь супруги живут вместе, под одной крышей.

— А что ты сделаешь, если я буду с тобой?

— Я тебя поцелую.

— Всего один раз?

— А тебе сколько надо?

Его смех был похож на радостное щебетание пичужки. Юсеф сказал неожиданно серьезно:

— Твои родители богатые.

— А разве это плохо?

— Они отдадут тебя замуж только за богатого и никогда не согласятся на твой брак с бедняком.

— Я всегда буду делать только то, что хочу.

— А чего ты хочешь?

— Я выйду замуж за того, кого люблю.

— А кого ты любишь?

— Ты ведь знаешь.

— Ну говори же, кого ты любишь?

— Его зовут Юсеф.

— Но Юсеф бедняк.

— Мне нравится бедность.

— Бедность отвратительна. Ты будешь голодать.
— Мне нравится голодать.
— Я плохо воспитан. Может быть, я стану бить тебя.

— Бей.
— Ты убежишь со мной?
— Куда?

В этот момент раздался голос матери Самiry: «Самира, где ты?»

Самира поспешила отойти от окна к молодому лимонному дереву и сделала вид, что любителся зелеными листьями.

Юсеф слышал разговор Самiry с матерью:

— Что ты делаешь?
— Хочу полить грядку.
— Польешь потом. Лучше иди приברי в гостиной.

Сегодня вечером у отца будут гости.

Юсеф вернулся в комнату, зажег сигарету и затянулся. У него слегка закружилась голова, и он неожиданно понял, что сильно проголодался. Он пошел на кухню, съел лепешку с сыром, выпил два стакана воды, снова взял сигарету и, крепко зажав ее губами, глубоко затянулся, а затем медленно выпустил дым, хмелея и чувствуя, как в крови вспыхивают искры.

Улегшись на кровать, он по-прежнему ощущал беспричинную радость. Но радость тотчас же улетучилась, когда он представил, как завтра утром будет спешить на завод.

Ему послышался грохот заводских станков. Железные корпуса станков — гладкие, как тело женщины. А умершая одна в своей яме. Она никогда не поднесет ко рту лепешку с сыром, никогда не вернется домой. На нее уже никогда не прикрикнут родители. Она ни о чем не будет мечтать. Она никогда не испытает опьянения. В ее глазах не родится печаль. И сколько бы ни прошло времени на этой огромной Земле, девушка никогда больше не вздохнет. Когда он прикоснется к ней, ее тело будет холодным, а могильный мрак непроницаем и плотен, как твердый черный камень. Он не осмелится взглянуть ей в лицо. У хозяина завода лицо самодовольное и вместе с тем жестокое и злое. Юсеф не любит его. Лицо из железа, пыли, масла. Дай нам хлеба, стальной господин! Хозяин завода богат. Разбо-

гатель он не сразу. Сначала был владельцем небольшой мастерской и ходил в комбинезоне, заляпанном машинным маслом. Рабочих у него было немного. Он работал вместе с ними; вместе с ними, ведя неторопливую беседу, съедал незатейливый обед, смеялся их шуткам и верил в людскую доброту. Постепенно мастерская с одним станком превратилась в большие заводские корпуса со множеством всяких машин. Хозяин завода больше не смеется. Теперь он убежден, что люди по натуре злы и ленивы. Одевается он теперь тоже иначе. Он больше не ходит пешком. Отец Самиры богат, но у него нет автомобиля. Он землевладелец, а цена на землю внезапно подскочила. Отец Самиры разбогател и переехал из домишка в переулке в большой дом на широкой улице. Но он навсегда остался человеком, родившимся в доме на узенькой улочке. У него крупное, массивное тело, угрюмое лицо и резкий, грубый голос. Он любит Самиру, но, если бы узнал, что у нее есть любовник, зарезал бы ее. Самира боится его. Свою мать она тоже не любит. Мать относится к ней, как к прислуге. Самира — дочь богачей, и они выдадут ее замуж только за богатого. Когда она повзрослеет, ее взгляды тоже переменятся. Она будет искать богатого мужа.

Юсеф почувствовал злость. С каждым годом будет увеличиваться расстояние между ним и Самирой, а ведь он сгорает от страсти. Два яростных чувства — злоба и страсть — бушевали в нем, и Самира вдруг представилась ему белой звездочкой, сияющей в вышине. Неожиданно раздался звонок. Юсеф встал, в недоумении поднялся по ступенькам и открыл дверь. За ней никого не было. Он снова закрыл дверь и остался стоять у порога, настороженно прислушиваясь и держась за дверную ручку. Вскоре послышались шаги босых ног, и он распахнул дверь. Стоявшая на пороге Самира от неожиданности попятилась. Юсеф позвал ее: «Самира». Она вопросительно посмотрела на него. Он жестом показал, чтобы она подошла ближе, Самира отрицательно покачала головой.

— Где твоя мать? — вполголоса спросил Юсеф.

— Спит.

Жаркое дневное солнце стояло почти в зените. Юсеф снова поманил к себе Самиру, а она лукаво спросила:

— Что ты хочешь?

— Я хочу что-то тебе сказать.

— Говори.

— Подойди.

— Нет.

— Ты не любишь меня.

— Не люблю.

Он пальцем показал себе на губы:

— Только один.

Она передернула плечами.

— Я рассержусь, — сказал он. Ему страстно хотелось прижать ее к груди, почувствовать, что рядом есть кто-то живой, задышающийся в его объятиях.

А Самира сказала с веселым злорадством:

— Ну, рассердись же и сделай, что хочешь.

Лицо его помрачнело, а глаза наполнились печалью. В нем горело страстное желание ощутить биение жизни под этой нежной кожей.

— Только один, — сказал он.

— Только один?

— Да, один.

— Значит, ты не любишь меня.

Она отошла назад и скрылась за дверью гостиной.

Юсеф вернулся в подвал и снова лег на кровать. Где-то недалеко по радио звучала песня. У певицы был теплый и нежный голос. Юсефу представилась подземная речка, прокладывающая путь под городом сквозь мрак и тишину. В голосе женщины звенели печаль и сострадание. Охраняемая призраками река бесшумно катит воды по подземному руслу, а пение замирает вдали.

До его слуха донесся легкий стук в окно кухни, и он поспешил туда, радуясь и злясь одновременно.

— Юсеф, — мягко сказала Самира, когда он подошел к окну, — ты рассердился?

— Я не железный, — раздраженно ответил он.

— Я боялась матери.

— Она спит.

— Я боялась.

— Кого?

— Не знаю.

Юсеф замолчал и представил себе ее мать, стройную, красивую женщину с высоким резким голосом.

— Твоя мать неприветлива, — сказал он.

— А твоя?

— Мою ты полюбишь.

— Почему ты ушел от родных?

— Я не люблю говорить о своих родственниках.

— Скажи мне, а не то я рассержусь.

— Отец хотел, чтобы я отдавал ему весь заработок, он не разрешал мне читать книги, говоря, что они растлевают сознание и вредят здоровью. Он говорил, что читать — это терять время, а приобретение книг — пустая трата денег.

— Расскажи про своего отца.

— Он высокого роста и очень вспыльчив.

— А мать?

— Красивая.

— Она любит твоего отца?

— Сначала не любила.

Он умолк, и она опять спросила:

— Ну, а потом?

— Смирилась.

Они замолчали. Юсеф изумленно поглядел на Самире, как будто видел ее в первый раз. Она красива, у нее высокая грудь, яркие губы.

— Ты убежишь со мной?

— Куда? — спросила она, улыбнувшись.

— Скажи, да или нет?

— Убегу.

Юсеф продолжал разглядывать ее, восхищенный соблазняющей красотой. Не в силах оторвать взгляда от ее нежных губ, он почувствовал, что все поплыло перед его глазами.

— Подойди к двери, — попросил он.

— Нет, нет.

— Я обижусь.

Она поднялась и ушла от окна, а он вышел из кухни, быстро поднялся по ступенькам, приоткрыл дверь и стоял, ожидая. Наконец дверь гостиной осторожно открылась, и появилась Самира, смущенная, робкая. Он открыл дверь шире и, не выходя за порог, протянул девушке руку.

— Ну, иди же! — сказал он совсем тихо.

Она остановилась в отдалении и улыбалась, не двигаясь с места. Он протянул к ней обе руки. Во всей

его позе в тот момент читалась мольба. Самира нерешительно приблизилась, Юсеф порывисто притянул ее к себе и плотно закрыл дверь. Они стояли на темной лестнице. Он взял ее лицо в свои ладони и ртом отыскал ее губы. Неведомый огонь загорелся в его крови, когда он ощутил Самиру совсем рядом, такую маленькую, взволнованную, задышающуюся.

Снаружи донесся звук шагов, и они застыли на месте. Его руки разжались, но Самира так и осталась стоять, тесно прижавшись к Юсефу. Неизвестный поднялся наверх, на второй или третий этаж. Самира выскользнула из подвала и вернулась в дом.

Юсеф беззвучно закрыл дверь, спустился вниз и опять принялся шагать по комнате, разглядывая стены. К растерянности и смущению в его глазах примешивался непонятный страх. Он купит кривой меч, он купит коня и абу¹ и отправится в пустыню.

Юсеф повалился на кровать и закрыл глаза. Наступит ночь, и в темноте раскатится львиный рык. Он отправится на самую темную тропу. Юсеф — бездыханное тело. Подходят какие-то люди. С ними женщина. Это мать Юсефа. Они бросят его в колодец, и никто не спасет его. В пещеру, где царят смерть и ночь, пришли гиены. Самира любит солнце и белый цвет. Луна — это волк, влюбленный в мертвую девушку. Лев рычит и пятится назад, готовясь к прыжку. Вставай, взлохмаченный бедуин, издай свой гневный, громоподобный крик. О мама, у меня никогда не будет меча, абы и коня. Копья моих дедов погребены под горами песка. Юсеф никогда не размахивал мечом, бросая вызов солицу, неподвижно висящему над полем брани, и не сидел верхом на коне. Лев рычит. Смерть затыкает ему гортань ватой, лишая воздуха.

Юсеф вздрагивает и, пытаясь успокоиться, открывает глаза. Он вспоминает Самиру. Однажды она спустится к нему в подвал, нежная, жаждущая любви мужчины, у которого нет лица...

Им овладело глубокое раскаяние. Возникавшие в воображении сцены показались ему трясинной, засасывающей похожую на белый жасмин Самиру. В то же время он вдруг подумал, что порхающие в вышине пти-

---

¹ Аба — шерстяная одежда типа плаща.

ца, несомненно, несчастны и утомлены. Их жизнь — всего лишь вечный полет сквозь безмолвное пространство в поисках твердой опоры. В нем проснулось старое желание проникнуть на дно жизни, пробраться тайком в темный мир тех женщин, за которыми плотно закрываются двери комнат. Не смущаясь, они берут деньги из рук незнакомых мужчин. Их мир — настоящий, в нем обитают живые люди, попавшие сюда, повинаясь собственному капризу, глухости, похоти, злобе, иностранному, фальшивому вздоху и вздоху, идущему от самых костей. Он возьмет проститутку, а затем пойдет на кладбище взглянуть на покойницу. Вот ее неподвижное тело на дне ямы. Она никогда не заплачет и не засмеется. Ни один мужчина не пристанет к ней на улице. Она не будет бояться автомобилей и не услышит, как из уст старого отца с характером турецкого султана обрушиваются на нее гневные слова. Он представил своего отца турецким султаном. На голове у него большая чалма. Черная борода придает его лицу выражение постоянной злобы. Вокруг смиренные глаза. «Повинуюсь, мой господин!» — слуги склоняются и доставляют к нему красивейших женщин из всех уголков мира. Ему скажут: «Вот он, преступник». И султан прикажет: «Бросьте его в море». К его ногам привяжут железные гири и бросят в воду. Он камнем пойдет на дно. Юсеф перенесся мыслями в родной дом. Мать кричит. Младшие братья и сестры ссорятся. Отец курит паргиле, лицо его — мрачная, угрюмая маска. Фатьма, жена старшего брата, смеется и потягивается. Она полна неги, ее вид пьянит Юсефа. А в уленькой улочке ребята бросаются камнями. У Юсефа на головы течет кровь. В школе учитель, заметив в волосах Юсефа вошь, дает ему оплеуху и отправляет домой мыться. Жадными глазами Юсеф смотрит на свежие белые лепешки. Он подходит к дочке соседа. Как ее звали? Лямия. Его отец насмеяется над ним: «Читай, читай. От этих книг тебе прямая дорога в ад». Юсеф ненавидит своего старшего брата, потому что Фатьма — его жена. Однажды ночью, когда отец и брат были в отъезде, он прокрадывается в ее спальню. Вернувшись к себе, он видит, что в комнате его поджидает мать. Она стоит очень прямо, и голос ее звучит жестко: «Где ты был?» Он смущается, его охватывает страх, но

он старается казаться бодрым и уверенным. «Скажи отцу и брату. Брат разведется с ней, а я на ней женись». Мать стремится сохранить семью. Она прогоняет его из дома, в котором он родился. Мать не любит его. Он бросит дом и отправится в ад на велосипеде или верхом на деревянной лошадке. Матери по душе только благонаравие. Отцу по душе лишь такие дети, что днем работают, ночью спят, не тратят своих денег и почтительно целуют ему руку. Юсеф не будет целовать тебе руку, отец.

Юсеф — одинокий голос. Он покинет грязный, кишящий мухами переулочек. Он будет жить, как хочет. Он найдет место с хорошим заработком, снимет комнату на широкой улице с каменными зданиями, где живут изысканно одетые люди, те, что вежливо извиняются, нечаянно столкнувшись с прохожим. Тьфу! Ты, Юсеф, можешь рассчитывать только на подвал и работу на заводе. Он подожжет дома богачей, уничтожит их вместе с их детьми и женщинами. Только богачи живут по-настоящему. Эта истина прочна, как стена.

Юсеф погрузился в дремоту. Он прижался к земляной стене, пытаясь закрыться руками. В руках человека, лица которого ему не разглядеть, был нож. Нож вонзается в его тело, и при каждом ударе Юсеф кричит. Он стонет и ворочается на узкой кровати. Он стиснул зубы и только тихо шипит, как змея. Убийца склоняется над ним, и Юсеф видит лицо своего старшего брата.

Он пробудился от кошмарного сна и с облегчением вздохнул, поняв, что все это ему только приснилось. Встал с кровати, шагнул на середину комнаты, потянулся и зевнул. До него донеслись голоса детей, играющих на улице.

Повесив на шею голубое полотенце, Юсеф пошел в кухню. Там он умылся холодной водой, приготовил большую чашку кофе, отнес ее в комнату и поставил на стол, потом сел на стул и закурил, время от времени отхлебывая небольшими глотками горький кофе.

Взгляд Юсефа скользнул по столу и остановился на лежащей там тряпичной кукле. Ее белое платьице давно стало серым от грязи. Кукла была верной подругой Юсефа. Он не разлучался с ней с самого детства. Юсеф уныло посмотрел вокруг. Что бы он сделал,

если бы был принцем? Он объездил бы весь мир и умер бы одиноко в холодной постели в гостинице. Он умрет безвестным, и на могиле его не будет мраморной плиты с высеченными датами рождения и смерти.

Он взял куклу и всмотрелся в нарисованное карандашом лицо. Юсефу суждено всю жизнь быть ничтожеством, работать за гроши. Эта мысль привела его в бешенство. Он вынул из ящичка стола нож, отрезал кукле голову и бросил ее вместе с туловищем на усеянный окурками пол, под дверь. Детство ушло и не вернется. У него не будет детей. Он никогда не услышит, как озорные ребячьи голоса зовут его: «Папа!..» У него не будет своего дома, не будет белой кошки. Жена его брата, Фатьма, любит белых кошек. Когда он закрыл на собой дверь ее комнаты, она ничего не сказала. Она лежала на кровати с широко открытыми глазами. Ни тени удивления не отразилось на ее лице, как будто она долгие ночи ожидала его прихода. Фатьма отдалась ему без малейшего сопротивления, а прерывистое дыхание выдавало ее страсть.

Юсеф взглянул на маленькую деревянную фигурку бедуина, приютившуюся на краю стола, возле книги. Юсеф был убежден, что бедуин однажды заговорит, а его конь внезапно встанет на дыбы и громко заржет, зовя в далекие пустыни. Юсефу вспомнилось, как Фатьма расчесывала волосы под полуденным солнцем. Хорошо бы коснуться ее волос сейчас! В этот момент до него донесся легкий стук в окно кухни, и он бросился туда. Глаза Самиры улыбались. Он спросил:

— Ты сердиться?

На ее лице отразилось удивление.

— Почему я должна сердиться? Я чуть не умерла от страха — мне показалось, что идет отец.

Солнце клонилось к закату. Самира некоторое время стояла молча, ее лицо было залито желтизной, глаза казались глубоко запавшими. Потом она наклонилась к окну и сказала:

— Правда же, солнце красивое?

Самира в его представлении почему-то ассоциировалась с солнцем и белым жасмином. Она была так соблазнительна — казалось, что ее горячее тело с белой нежной кожей вылеплено из сгустившегося аромата жасмина.

— Где твоя мать? — спросил он.

— Все еще спит.

— Хорошо бы она совсем не проснулась.

— Ты не любишь ее.

— А ты?

— А я люблю. Она моя мать.

— А ты бы ее любила, если бы она не была тебе матерью?

Самира задумалась, а потом вздохнула:

— Как бы мне хотелось быть женщиной! — И, радостно улыбувшись, продолжала: — Я хочу быть высоким юношей. Меня зовут Юсеф. Черная прядь волос спадает мне на лоб. Я работаю на заводе. На мне серый костюм, красный галстук и белая рубашка. Я насвистываю по дороге, хожу, куда хочу, и возвращаюсь домой в полночь.

Юсеф засмеялся:

— И у тебя родится красивая девочка по имени Самира.

Не обращая внимания на его слова, Самира взволнованно добавила:

— Мне хочется быть свободной, как ветер.

Она засмеялась, совсем как маленькая девочка, и сказала:

— Пойду, пожалуйста. Боюсь, что мать уже проснулась.

Юсеф вернулся в комнату и опять стал раздраженно шагать из угла в угол. В его воображении зажглось огненно-красное солнце, но его поглотило голубое море. Ссутулившись и уныло шагая по улицам, он вернулся на кладбище, опустился на колени и стал разрывать могилу, чтобы проникнуть вниз, туда, где спит мертвая девушка, для которой никогда не наступит утро.

На улице раздался автомобильный гудок, затем закрипели тормоза и послышался какой-то глухой шум. Он мысленно увидел под колесами автомобиля светловолосого ребенка с разбитой головой, и, хотя лицо его было страшно изуродовано, он узнал своего брата.

Он сел за стол, подперев подбородок ладонями. Взглянул на фигурку бедуина. Где-то в глубинах его души возникла незнакомая мелодия. Ее звуки в лучах предзакатного солнца раскатились в воздухе мягким

протяжным вздохом, как будто вздохнула маленькая девочка с певчим щебечущим голоском. В Юсефе пробудился бедуин, грубый, взлохмаченный бедуин, у которого есть кривой кинжал, есть палатка в бесплодной пустыне, но нет женщины. И бедуин идет в город. Его влечет туда неукротимое желание. Он готов продать даже свои глаза в обмен на женский смех. Фатьма — красивая женщина, а смех ее радостен, как зеленый сад.

Юсефом овладела горькая тоска. Он встал, потом опять сел. Ему нечего было делать. Он взял газету, купленную несколько дней назад, и стал читать. Его внимание привлекло сообщение о смерти какой-то женщины, погибшей при загадочных обстоятельствах. Воображение нарисовало ему, как это случилось. Молодая женщина и ее серьезный, скромный и благородный муж живут в двух маленьких комнатках под самой крышей. Хозяин дома — пожилой человек. У него худой и желтая жена. Хозяин дома стучится в дверь к жильцам. Женщина открывает ему.

— Деньги.

— Мой муж заплатит вам в конце месяца.

— И это уже слышал месяц назад.

— Мы собирались заплатить вам, но у нас заболел ребенок.

— Платите деньги или убирайтесь из моего дома.

— Подождите до конца месяца, — дрожащим голосом умоляет женщина.

Старик разглядывает ее. Он находит ее соблазнительной, нежной, молодой. Он тянется погладить ее по щеке:

— Я буду добр с теми, кто добр ко мне.

Она испуганно отступает, пытается высвободиться из его рук. В этот момент она, несомненно, мысленно представляла тысячи исполненных величайшего пренебрежения взглядов, ждущих ее, если ее телом овладеет чужой мужчина. Она яростно сопротивляется. Ее ногти впинаяются в лицо старика. Этот старик — Юсеф. А у женщины — лицо Фатьмы. Он рвет на ней одежду. Она подбегает к краю крыши, бросается вниз и разбивается об асфальт. Брызги крови разлетаются по мостовой. Он не в состоянии смотреть на мертвое окровавленное лицо.

Юсеф отбросил газету. Почувствовав жажду, он пошел на кухню и выпил стакан воды. Вода освежила его, и он вернулся в комнату. Ему нечего было делать. Он не пойдет в кафе. И не пойдет в кино. Улица навевает скуку. Все кончится как обычно.

Он почувствовал себя утомленным и обессиленным. Ложась снова на кровать, он подумал: «А что бы я потерял, если бы превратился в собаку?»

Фигурка бедуина все так же возвышалась на столе. Комнату медленно обволакивали сумерки. Бедуин радовался наступлению вечера — он не выносит солнца. Скоро его скакун заржет и помчится в пустыню, не отбрасывая тени. У бедуина загадочное лицо.

Юсеф еще сильнее затосковал по музыке. И вдруг постепенно зазвучала, нарастая, мелодия бедуина, зовущая в путешествие к семи островам, затерявшимся за семью морями. Бедуин не сказал ни слова, ведь он был деревянный. Юсеф ни разу не покидал город, в котором родился, и поэтому не знал чужого языка. Земли опустела, остались только поджарые кони. Поднимайся, скорбь, поднимайся, парень из черного золота, пусть развеивается твое знамя. Музыка летела все выше и выше, пробиваясь сквозь мрак и воздушную толщу. Зеленые поля дрогнули и распластались, перерезанные реками. А взрослые превратились в детей. Они вслушиваются в шум моря. Ветер играет их волосами, а дети следят за парусами лодок на горизонте.

Бедуин еще острее почувствовал тоску по незнакомым городам, шум которых подобен победному гимну. Юсеф знал, что он никуда не уедет. Его ждет день на заводе за городом. Одежда Юсефа покроется черными пятнами, промаслится, пропитается потом. Он будет касаться холодного железа и покорится скрытому гневу, звучащему в гуле машин. А глаза хозяина завода — две старые плетки, забрызганные кровью. Много раз Юсеф представлял себе, как он бросит хозяина живым в огромный тигель, полный расплавленного металла. Иногда ему хотелось убить Фатьму. Его воображение пьянил крик жертвы перед лицом неминуемой смерти.

Он услышал какой-то шум в саду, вскочил и прислушался. Разговаривали несколько мужчин, и среди голосов он сразу узнал голос отца Самиры, здоровавшегося с гостями. Потом все вошло в дом, и Юсеф услы-

хал шаги у себя над головой. Тяжелый плотный мрак окружал Юсефа, он закрыл окно и включил свет. Фигурка бедуина показалась ему крошечной деревяшкой. А где же Самира? Женский голос далеко. У разочарования нет своей песни. Юсеф любит воду и песню воды. Подвал показался ему безобразной пещерой. Погасив свет, он поднялся по ступенькам, открыл дверь, вышел на подвала в сад и с жадностью вдохнул влажный воздух. Самира стояла во втором садике за домом. Она помахала Юсефу рукой, прося не уходить, а он дал ей понять, что прогуляется и скоро вернется. Окна гостиной на первом этаже были раскрыты, оттуда лился яркий свет, доносились мужские голоса.

Выйдя из сада, он зашагал по освещенной улице, и ему почудилось, что он всего лишь статуэтка бедуина, обретшая плоть. Он полез в карман, закурил. «Нужно жить как все», — неожиданно пришла к нему мысль.

Он прочел много книг. Он сожжет все книги. Мертвые не читают книг, они бродят по миру ногами, стучат бесплотными кулаками в двери своих прежних домов, окликают родных, вызывают врагов и не получают ответа. У книг нет рта, они не могут кричать.

Юсеф поравнялся с молодой парочкой. Девушка смеется. Ее смех сливается с доносящейся из окон какого-то дома песней. Песню поет грубый голос, подрагивающий, как море в час заката. Юсеф почувствовал, как смех и пение отзываются в его душе. Ему безумно захотелось, чтобы скорее взошла луна.

Вскоре ему надоело бродить. Страстное желание увидеть Самире заставило его повернуть обратно. Где Самира? Самира прекрасна. Он сорвет этот дивный белый цветок жасмина. Блестящая звездочка не будет висеть в далекой вышине. Он спустился в подвал, включил лампу. Через несколько минут раздался стук в окно кухни. Он выключил лампу и пошел в кухню. Самира стояла на коленях перед окном, а вокруг плясали блики яркого света, проникавшего с улицы.

— Где твоя мать?

— Кормит младшего брата.

— А отец все еще развлекает гостей?

Юсеф замолчал, потом спросил:

— Ты любишь меня?

— Люблю.

— Ты убежишь со мной?

— Убегу.

Он почувствовал, что она в его власти.

— Подойди к двери, — попросил он.

— Я не могу.

— Никто не увидит.

— Нет.

— Я рассержусь.

— Нет, нет.

Вздохнув, она добавила:

— Я очень устала. Целый день работала. Пойду спать.

Она громко зевнула.

— Не уходи, — сказал Юсеф.

Она пожелала ему спокойной ночи и исчезла, ступая тихо, как дикая кошка. Юсеф вернулся в комнату раздраженным и подавленным. Скорее уйти из подвала! В городе по-прежнему кипела жизнь, автомобили с шумом проносились по мостовой, несмотря на поздний час, на улицах было полно людей.

Юсеф отправился в кафе. Он часто туда заходил. Завсегдатаями кафе были простые рабочие. Юсеф вошел в зал; хозяин кафе, Абу Касем, громко поздоровался с ним. Почти пустое, тихое кафе напоминало обмелевшую реку в дни летней жары. Через некоторое время Абу Касем подошел к столику Юсефа. Юсеф спросил:

— Что, никто еще не пришел?

— Пока нет.

— Дайте мне чашку чая.

Минуту спустя чашка чая стояла перед ним на старом деревянном столе. Юсеф огляделся по сторонам. У сидевших вокруг мужчин были бледные, усталые лица. Ему захотелось взглянуть на себя в зеркало, хотя он заранее знал, что увидит утомленное и бледное лицо отчаявшегося человека. Юсеф пьет чай, курит. Кафе — из дерева и пыли, он — из мяса и крови. Станки из стали. Сталь холодная и гладкая. Завод из стали, мяса, камня. А где же мои друзья, где? А ты их любишь, Юсеф? Одиночество Юсефа — две изможденные, протянутые в мольбе руки: отзовитесь же, хоть кто-нибудь! Приятели Юсефа, как и он, рабочие.

Они едят жадно и быстро. Они дерутся между собой. Их кулаки тверды. Когда они смотрят на красивых женщин, их взгляд полон мольбы, страсти и тоски. Но когда гибнет мечта, в их глазах сверкает гнев. Мечта — это белое знамя, прикрывавшее прохладной, влажной тенью дни его детства. Белые знамена валяются сломанные на дне города. Гнев — это песня сломленных людей. Юсеф не знает повергнутого его врага.

Юсеф курит. Чашка перед ним пуста. В кафе зашли три его приятеля-рабочих и сели за его столик.

— Где вы были?

— В кино.

Слова, наскакивая одно на другое, полились из четырех ртов. Юсеф то говорил, то замолкал, тупо прислушиваясь.

— Я проснал десять часов.

— Сии, пока не прилетит Азраил¹.

— Я разбогатею.

— Как?

— Женюсь на ста женщинах.

— Как?

— Уоду.

— Куда?

— Моя мать красива.

— Возьми ее с собой на кладбище.

— Я женюсь на твоей матери.

— Моя мать любит блондинов.

— Я покрашу волосы.

— Пожалуйета, брюнетку или блондинку?

— Брюнетка для зимы.

— А блондинка?

— Блондинка для лета.

Они ненадолго замолчали, потом Юсеф сказал:

— Что мы здесь торчим? Так и просидим до поздней ночи?

— Пойдем папьемся.

Юсефу безумно захотелось оказаться в винной лавке и выпить стакан холодного обжигающего арака. Он согласился, но, как только они вышли из кафе, желание напиться пропало и захотелось убежать от приятелей. Он внезапно остановился.

---

¹ Ангел смерти у мусульман.

— Я не пойду с вами.
— Почему?
— Не хочу напиваться.
— Чего же ты хочешь?
— Не хочу напиваться.
— А женщину хочешь?
— Пойду спать.
— Мы найдем женщину и приведем к тебе в подвал.

— Нельзя. У соседей всегда открыты окна.
— Я вас поведу к себе домой.
— А твоя жена?
— Она сегодня ночует у своих родителей.
— Где же мы найдем женщину?
— Я знаю одного человека, у него есть то, что нам нужно.

— Давай пошли... Чего мы ждем?

Четверо приятелей дружно двинулись вперед. Юсеф был рад: нашлось хоть какое-то стоящее занятие.

— Вот он, этот человек... Вот тот, толстый.

Один из приятелей Юсефа указал на полного низкорослого парня, слонявшегося перед кинотеатром.

— Подождите меня немного.

Он перешел на противоположную сторону и заговорил с толстяком. Юсеф остался стоять рядом с двумя другими приятелями. Те оживленно переговаривались между собой. Ему опять захотелось убежать. Это желание было настолько сильным, что его начала бить дрожь. Ему казалось, что он взбирается на высокую вершину, с которой взглянет вниз на весь мир.

Ноги Юсефа сами сорвались с места, и он свернул в соседнюю улицу. Его приятели изумленно закричали:

— Ты куда?

Он, не оборачиваясь, торопливо шагал вперед, его не покидало чувство вины и страха. Ночь на черных стеклянных ногах бродила по улицам, озарявшимся вспышками неоновых реклам. Гостиницы... Кинотеатры... Книжные магазины... Кафе... Рестораны... Автомобили... Трамваи, бегущие по железным рельсам.

Юсеф шел, удаляясь от городского шума, высоких зданий, постепенно углубляясь в царство узеньких улочек, длинных переулков, по обеим сторонам которых

прижимаются друг к другу сдружившиеся глинобитные домишки.

В душу его закралось чувство беспричинной жалости. Он подошел к мечети. Ее минарет устремлялся высь, к черному небу с белой сверкающей луной. Если бы он услышал в этот миг раздающийся с минарета протяжный громкий призыв: «Аллах велик...» — он смиренно прижался бы к стене. Но звуки доносились издалека. Он поспешил дальше. У скорби пронзительный голос. Уточки тонут в половежье бетона, стали, камня. Родились новые люди с чужими неулыбчивыми лицами.

Юсефа захлестнула жалость к гибнущим улочкам. Он вспомнил обезглавленную куклу и пожалел ее тоже. Он ускорил шаг, подгоняемый настойчивым желанием увидеть старый дом, в одной из комнат которого он появился на свет. Вот он. Юсеф на мгновение остановился напротив дощатой двери. Его взгляд, обращенный к дому, был полон горечи. Электрическая лампа бросала на дом пучок света. Юсеф приблизился к двери почти вплотную и огляделся по сторонам. На улице не было ни души. Тогда он прижался лицом к двери, прильнул к ней, как к материнской груди, в поисках утешения. Из дома доносились голоса. Ему показалось, что он различает голос Фатьмы, и он вздрогнул от страха. Ему хотелось зарыдать, но в этот момент до него донесся звук шагов. Он отпрянул от двери и пошел дальше. Ноги снова привели его на широкие улицы.

Юсеф добрал до своего подвала, спустился в комнату, разделся, не включая света, и растянулся на кровати. Типина сомкнулась вокруг. «Надо скорее заснуть, чтобы встать пораньше и успеть на завод», — подумал он.

Юсеф прислушался. Первый этаж молчит. А где Самира? Она, наверное, спит. Он представил ее лежащей в постели. Волосы рассыпались по белой подушке. Лицо дышит пленительной кротостью. Мертвая девушка, в той же позе, что и Самира, покоится в земляной постели. Совсем еще молодая. Она никогда не испытает одиночества, потому что она мертва. Луна льет свет на могилу.

Он закрыл глаза, возвращаясь мыслями на кладбище, проскользнул под могильную плиту. Его окутает

мрак. Фатьма спит в своей постели, прижавшись к его брату.

Юсефа сморил сон. В море красноперые рыбы. Сквозь толщу воды и света они отливают золотом. Он застонал. Ветер пустыни далек. Юсеф — вождь племени, у него есть конь, меч, палатка, невольница, закрывающая лицо плотным черным покрывалом. Юсеф хочет увидеть это лицо. Она не мертва. Он протянул руку и сорвал покрывало. Это лицо не Самиры, а Фатьмы. Мучительная тоска расплзлась в сердце — где-то в подсознании он понимал, что это всего лишь сон. Увы! Рыбы в море. Звезды появляются ночью. Ребенок испуганно кричит, когда впервые видит солнце. Вода. Юсеф слышит шум воды, но не знает, где она. Вода под землей. Он любит воду. Он ненавидит ее. Он любит зеленые поля и желтизну песков, их блеск в жарких лучах солнца. Ему подумалось, что вода — это юноша, потерявший коня на улицах, похожих на узкие коридоры с высокими стенами. Хозяин завода смеется. Солнце показывается на востоке из-за горизонта. А луна — желтое яблоко. Хозяин завода ест яблоко. Вечером солнце садится и исчезает. Бедуин потерял свою палатку. И вот он в городе, раскинувшемся у подножья горы. Юсеф карабкается на гору. Он взберется на самую вершину. Что подарит горный воздух: богатство, или крылья, или новое имя? Подошел отец Юсефа. Он не турецкий султан, он пожилой, сгорбленный человек с огрубевшими руками и морщинистым лицом. Где ты, сын мой? Иди помоги мне. Юсеф заплакал. Его мать, бледная и молчаливая, повязывает лоб белым платком. Ее глаза — два поверженных воина, вернувшихся ранеными с побоища. Юсеф рыдал все сильнее. Он очнулся от своего сна в смятении, вытер слезы и попытался вспомнить, почему он плакал, но вспомнил только, что видел во сне мать, и снова заснул. Река в лучах солнца. Река, воды которой прорывают каналы под землей. Он слышит рев воды. Бедуин любит воду. Зеленая трава закрывает рот и глаза Юсефа. Фатьма стоит в воде. Она смеется, охваченная страстью. Юсеф — босоногий мальчишка. Он бежит через сады, украдкой срывая незрелые плоды. Фатьма кричит, зовет на помощь, вода уже почти поглотила ее. Юсеф протягивает руки, отчаянно пытается спасти

Фатьму, но не может дотянуться до нее. Он видит голубое море и голубое небо. Волны ритмично накатываются и отступают, как будто это цветомузыка.

Юсеф открыл глаза. Он одурманен и утомлен. Ему кажется, что он опоздал на завод, но он снова засыпает, хотя и уверен, что люди уже спешат по улицам. Юсеф полностью погрузился в сон. Он видит лицо девушки и лицо ребенка. Где он их видел? Лицо Фатьмы. Самира? Покойница? Какая-то темная деревянная лестница. Кто-то громко топает ногами по ступенькам. Юсеф отчетливо слышит этот звук. На лестнице темно. В темноте прячется лицо Фатьмы. Стук усиливается. Юсеф удивленно открывает глаза. Оказывается, это стучат сверху в потолок комнаты. Неожиданно стук прекратился, и несколько мгновений Юсефу казалось, что все это было лишь игрой воображения. Но стук возобновился. «Может быть, Самира?» — подумал Юсеф.

Он встал с постели, поднялся по ступенькам и очень осторожно открыл дверь. И все же резкий скрип нарушил тишину ночи. Юсеф босиком вышел за порог. В это время медленно приоткрылась дверь на первом этаже и появилась похожая на призрак Самира. Она видела, как темный силуэт Юсефа молча приближается к ней, и хотела было отойти назад, но вместо этого шагнула навстречу и прижалась головой к его груди. Он не пытался обнять Самиру, а лишь касался губами ее волос. В тот момент они были просто людьми, безмолвно нашедшими друг друга и охваченными безграничной нежностью. Малейшее движение их тел пьянило юношу и девушку, как нежная мелодия. Юсеф касался губами шелковистых, источающих удивительный запах сна волос Самире.

Она подняла к нему свое лицо, а он наклонил голову. Их губы встретились в поцелуе. Он обнял ее, и она покорно прижалась к нему. Горячая волна разлилась в его жилах. Самира не сопротивилась, когда он повел ее к двери подвала. Они спустились по лестнице. Она попросила его не включать свет, но он и сам не мог оторваться от Самире. Их лица были рядом.

То, что произошло затем, заставило Юсефа содрогнуться. Сада с цветущим жасмином не было. Юсеф почувствовал, что его тоже больше нет. А вместо него — взлохмаченный, грубый бедуин. В нем смешивались

гнев и вожделение. Сама бормотала какие-то слова, разжигавшие в Юсефе и страсть, и разочарование, и страх. Он ожесточился. А Сама смеялась и шептала сдавленным голосом: «Подожди, подожди».

Юсеф казался ей теперь совсем другим, непонятным, озлобленным. Его грубые руки причиняли ей боль, она вскрикивала и смущенно смеялась, но его рот и руки становились все более жестокими. Сама была поражена и попыталась сопротивляться, но эта попытка вызвала у него новый приступ жестокости. Она испуганно зашептала: «Пусти меня, пусти». Он не ответил ни слова. Она продолжала сопротивляться и требовала громче и настойчивей: «Отпусти же меня». Одной рукой он закрыл ей рот, а второй сдавил шею, как будто хотел задушить ее. Она почувствовала, что беспомощна, и сдалась, только губы ее время от времени тихонько шептали: «Мама... мама».

Он распростерся рядом с ней. Ей хотелось, чтобы он сказал что-нибудь, но он молчал. Подождав немного, она прошептала: «Я пойду».

Сама выскользнула из постели и на секунду замерла, как будто чего-то ожидая. Потом он услышал, как она поднимается по ступенькам и осторожно закрывает за собой дверь. Воцарилась полная тишина.

Бедуин вернулся к своему деревянному скакуну и сел на него верхом. Юсеф же, совершенно опустошенный, остался лежать на кровати. Он вдруг почувствовал, что потолок навис над ним совсем низко и сейчас раздавит его. Он встал, оделся и вышел из подвала. Он шел по безлюдным улицам, скованным полнотой тишиной. На сердце у него было совершенно пусто.

Он остановился перед гостиницей с ритмично вспыхивающей неоновой рекламой, поднялся по лестнице на третий этаж. Там его встретил полный человек с сонными глазами, запавшими от усталости. Он взглянул на документы Юсефа, записал его имя в большую раскрытую тетрадь, получил плату за ночлег и провел его в комнату с грязными стенами, железной кроватью и деревянным шкафом с большим продолговатым зеркалом. Юсеф, не останавливаясь перед зеркалом, выключил свет, быстро разделся, лег в кровать и накрылся одеялом. Он сразу же уснул. Но вскоре проснулся. Ему показалось, что он слышит женский плач. В горле

у него пересохло. Он выпил стакан воды и снова заснул.

Проснувшись утром, он понял по лучам солнца, пробивавшимся в комнату, что опоздал на работу. Он испуганно вскочил и стал одеваться, но потом подумал, что это уже не имеет смысла, снова разделся, лег и опять погрузился в сон. Подошла жена его брата, Фатьма. У нее маленькие нежные руки. У Юсефа руки большие. Его руки мечтали посадить фиалки в саду у маленького домика, но эта мечта умерла. Глаза Фатьмы — черные розы. А кожа у нее белая, но он никогда не видел ее тело при солнечном свете. И ангелы, и дьявол — в могиле. Черви едят мертвую девушку, и она ничего не может сделать. Ангелы — это белые птицы, а дьявол — черный цветок.

— Если бы мы уехали,— говорит Фатьма.

— Куда?

— На край света.

— На край света?

— Я дам тебе семь коней.

— Только семь коней? Земля велика.

У Земли низкий потолок и четыре прочных стены, а кони томятся в запертых стойлах, пол которых устлан соломой. Они уныло понурили головы, они больше никогда не заржут. Их стены исчезли, вместо них — здания из бетона, камня, стали. Мужчины, некогда скакавшие верхом и с ожесточением размахивавшие кривыми саблями, умерли. Женщина, не надо любить жемчуг. Море — голубой сад без деревьев, а лодка — деревянная рыба. Листья деревьев — зеленые звезды. Не надо любить жемчуг. Самира ступает по шелку и жемчугу. Бедуин склонил голову над станком. Фатьма смеется. Могила пуста. Ты не дружишь с луной и ночью. Я тебя люблю. Фатьма не смеется. Ее глаза умоляют, как руки, просящие подаяние. Она касается пальцами лба Юсефа, и дождь из жасмина освежает его. Чужие руки вытаскивают Юсефа из глубокого колодца. Он послал свою рубашку слепому отцу.

Юсеф просыпается в радостном настроении. Он вскакивает, умывается, тщательно причесывается перед зеркалом, одевается и выходит из гостиницы на улицу. Там его ждут серый асфальт, солнце, гудки автомобилей, спешащие куда-то мужчины и женщины, витрины

магазинов, свистки полицейского, крики продавцов газет и лотерейных билетов, грохот трамвайных вагонов.

Зайдя в кафе, Юсеф с жадностью поел, потом вышел на улицу и бесцельно побрел дальше. Он чувствовал, что одинок, несмотря на толпы людей вокруг, и что может овладеть миром без малейшего усилия. Его ботижки монотонно стучали по тротуару, а широко раскрытые глаза туповато и с любопытством глядели на мир, подчиняя все своей власти, от которой нет спасения. Одних Юсеф бьет по лицу, других целует.

Он чуть не столкнулся со служанкой, выходящей из мясной лавки, держа в руках зарезанного петуха. Юсеф в испуге попятился и остановился, боязливо наблюдая за служанкой, пока та не скрылась из виду.

Ноги сами привели его в район узких улочек.

Проходя между глинобитными домиками, Юсеф чувствовал, что после продолжительной болезни он опять вдыхает настоящий свежий воздух, пронизанный солнечным светом. Вчерашний день казался ему лишь мрачным сновидением, растаявшим в утренних лучах.

Юсеф подошел к дому, в котором родился, и замер перед старой деревянной дверью. Дрожащим пальцем он нажал кнопку звонка, и тотчас протяжный громкий голос спросил:

— Кто там?

Секунду Юсеф колебался, но потом твердо ответил:

— Я... откройте.

А солнце, стремясь завладеть городом, поднималось все выше и выше.

КАЗНЬ

Казнь свершилась. Омар Мухтар¹ висел в петле без всяких признаков жизни. Теперь ему не было никакого дела до стражника с ружьем, которому поручили охранять виселицу.

Восходящее солнце было светлым, точно снег. Но другое солнце хотелось увидеть Омару Мухтару — то, которое подарило бы его холодеющей крови хоть частичку тепла. Было тихо-тихо. Почему-то вдруг ему представилась маленькая пташка. Она была настолько голодна, что не могла дожидаться, когда наконец желанный дождь размочит сухарь — ее завтрак. А потом он вообразил белую розу. Дрожь от холода, она забылась в коротком сне на железной кровати: у нее не было денег, чтобы купить жаровню.

И новые грезы приходят на смену старым. Омару Мухтару показалось, что где-то в аптеке сидит закрытый на замок кот и мечтает о крыльях, чтобы выбраться на узкие улочки города, где покрытые густой пылью облака госяются друг за другом и ссорятся с детьми. Но вот подул ветер, прогнал облака, и Омар Мухтар увидел, как дети бросают камни в стекла окон. И он улыбнулся своим мыслям.

— Ты что? — закричал стражник. — Улыбаешься? Э, брат, уж не надо мной ли ты насмехаешься?

И не получив ответа, покачал головой и добавил:

— Чего в рот воды набрал? Умеешь улыбаться — умей и отвечать. Слушай, а может, тебе приснились женщины, а?.. Так... значит, не хочешь говорить. Ну с чего, спрашивается, ты нос задираешь? Запомни раз и навсегда: мой дед никогда не был среди прислужников у твоего деда. Понятно тебе?.. Ну и досталась

---

¹ Омар Мухтар — руководитель и герой ливийского национально-освободительного движения в 30-х гг. XX в. Казнен по приговору итальянского военного трибунала в октябре 1931 г.

мне работешка — наказание, да и только! Проклятая жизнь!

В это время мимо проходил маленький мальчик. Увидев виселицу, он остановился и уставился на странное сооружение — сначала с недоумением, потом со страхом.

— А ну проходи! — закричал стражник. — Тут нельзя стоять. — Но мальчик не шелохнулся. — Ты что, глухой? — продолжал стражник, подходя к мальчику с угрожающим видом.

— Я... я... смотрю...

— Тоже нашел, на что смотреть. Нехорошо.

— Я... смотрю на него, — ответил мальчуган, виновато улыбаясь, и маленьким пальчиком указал на Омара Мухтара.

— И тебе не страшно?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Воспитанные мальчики должны бояться повешенных, — сказал стражник укоризненно и вдруг неожиданно вырвал из рук мальчика большую пластмассовую куклу.

— Отдай куклу... Сейчас же отдай...

— И не подумаю. Сначала поцелуй мне руку, — сказал стражник, отчетливо выговаривая каждое слово. — Целуй. Слышишь, что тебе говорят? Ах так, не желаешь?

— Отдай мою куклу... отдай, — бубнил мальчик.

— А ну, заткнись! — крикнул стражник, дрожа всем телом. — Это черт знает что такое! Считаю, что кукла твоя конфискована. Будешь знать, как не уважать власть и закон... А сейчас улепетывай-ка отсюда, да поскорее... А не то сдеру с тебя шкуру, набью соломой и сделаю чучело.

Стражник ожидал, что мальчик испугается и убежит, но, к его удивлению, он не бросился бежать, а отходил медленно, часто оглядываясь. Когда мальчик оказался довольно далеко, он вдруг остановился, оглянулся и громко крикнул:

— Ну погоди... Сбегаю за братом — он тебя прочит!

Стражник наклонился, поднял с земли камень и бросил в мальчика, но тот быстро и ловко увернулся и бросился бежать.

— Да не забудь привести сюда и свою мамочку...— крикнул стражник вдогонку, посмотрел ему вслед и, повернувшись к Омару Мухтару, тяжело вздохнул. — Проклятое поколение, — сказал он, подходя к виселице, — ни к кому никакого уважения. Кстати, ты не знаешь, зачем я взял эту куклу?

Он смотрел на повешенного и, по-видимому, ждал, что тот ему ответит, но Омар Мухтар молчал.

— Ты, наверное, думаешь, что я собираюсь поиграть с нею?.. Нет, брат, и не подумаю...

А затем снова спросил:

— Так что же будем делать? Я буду ее судить.— Он как будто сделал для себя важное открытие.

Глаза Омара Мухтара смотрели на стражника с ненавистью и отвращением.

Заметив, что Омар Мухтар смотрит на него, стражник прищурил глаза, бросил куклу на землю и хрипло выкрикнул:

— Суд начинается! И чтоб без смеха у меня, понял? — грозно предостерег он Омара Мухтара.

Стражник подошел к кукле и важно заявил:

— Уважаемая, ты обвиняешься в том... Видишь ли, собственно, я забыл, что еще надо придумать и приговор... Ну да ладно... и так сойдет... Ты обвиняешься в совершении преступления против интересов государства, о сути преступления узнаешь позже... Есть всевозможные улики... Признавайся и не думай обмануть меня... Все равно ничего не выйдет. Да заруби себе на носу, что я стреляю без промаха... Ах... не хочешь говорить?.. Ну, хорошо. Но запомни: за неподчинение суду ты еще заплатишься. Понятно?

Глаза его горели, руки решительно двигались. Он вообразил, что огромная толпа людей собралась на площади поглазеть на суд, брезгливо поморщился и громко сказал:

— Это что за шум?

Белье, развешанное на балконах домов, не отозвалось. А стражник продолжал:

— Приговаривается к смерти...

И вдруг заплулся и тихо, печальным голосом спросил:

— А как же я казню ее? Может, расстрелять?.. Нет... нет... Из этого ничего не выйдет... Только патро-

ны тратить впустую... А если зарезать?.. И это не годится...: Силы надо поберечь: того и гляди подвернется курица или барашек... Так что же делать?

И он внимательно оглядел бледную маленькую девочку. Неожиданно его лицо засияло от радости — он нашел выход. Приготовив веревку, стражник привязал ее к перекладине виселицы — рядом с телом Омара Мухтара.

— Твое последнее желание? — спросил стражник куклу. В голосе у него слышалось сочувствие.— Хочешь посмотреть какой-нибудь вестерн или комедию? Уж извини, если я не смогу выполнить твое желание. Хотя оно и священно, но, видишь ли, час смерти никак отсрочить нельзя. Смерть надо встретить как подобает: со страхом — шуток она не любит.

А затем, расправив плечи, он приподнял голову и закричал во весь голос:

— Смерть предателям!

Схватив куклу, он поднес ее к виселице, накинул ей на шею веревку и затянул узел. Вздогнул Омар Мухтар. Он хотел закричать что есть силы, но не смог, только отдельные слезинки прорвались сквозь сомкнутые ресницы и скатились по его морщинистому лицу на длинную белую бороду.

И опять ему представилась маленькая птичка. Снова почудились ему облака: из-за рваной одежды их не пускают на широкие авеню...

В один миг Омар Мухтар сбрасывает с себя веревку, рвет ее на части и спешит укрыться в могиле. Вместе с ним исчезает солнце... гаснут и сотни других солнц, только что освещавших землю.

БЫВАЮТ В ЖИЗНИ РАДОСТИ

...Когда это было? Неважно... Мы с сестрой пошли на рынок. Выбрали лавчонку почище, из тех, где детьми торгуют, и, все еще пемного смущаясь, вошли. Худенькие и крепыши, большие и маленькие, ребятишки лежали в аккуратных коробках.

Вдруг сестра радостно вскрикнула:

— Смотри!

И показала на малыша не больше двух лет от роду — круглое белое личико, золотистые вьющиеся волосики.

— Мы его купим.

Не дожидаясь моего ответа, она подошла к продавцу и звонко спросила, сколько стоит ребенок. Продавец еле пошевелил губами, я ничего не услышал. Сестра возмутилась:

— Нет-нет. Это очень дорого!

Улыбнувшись, продавец стал вежливо убеждать ее, что цена вполне сносная. Сестра, раскрасневшись, доказывала обратное. Между ними завязалась такая перепалка, что я, отчаявшись, начал рассматривать трещины на потолке. Однако в конце концов они пришли к соглашению. Пока я расплачивался, сестра ловко вытащила малыша из коробки, нежно обняла его, прижала к груди и засеменила к выходу. Я едва ее догнал.

Мы шли по улице, и она не переставая повторяла:

— Смотри!.. Ну, смотри же! Какой хорошенький!

Я наклонился над ребенком и невольно вздрогнул: младенец пристально смотрел на меня твердым, ненавидящим взглядом!

Дома, положив первенца на кровать, сестра заторопилась:

— Пойду куплю ему что-нибудь поесть.

Мы остались в комнате вдвоем. Младенец повернул ко мне голову и тихо сказал:

— Я убью тебя, когда вырасту.

Я попытался вскочить со стула и убежать, только ноги меня не слушались.

Спя от радости, сестра вернулась домой с какими-то пакетами. Откуда у нее взялись деньги? Опять что-нибудь продала. О аллах! Если я и дальше буду ей во всем уступать и не найду работу, мы и этой каморки лишимся!

Улучив минутку, я выскользнул прочь. До ночи шатался по улицам, потом пошел в знакомую лавчонку — там торговали в разлив. Отцовских часов хватило на три стакана... Мошенник, толстая рожа, понт какой-то сивухой! С кем я там в обнимку сидел — не помню, не видал этих пьяниц прежде. Один признался мне, что недавно вышел из тюрьмы. За что сидел? Сестру свою зарезал и в реку бросил.

— За что ты ее убил?

— Больно прожорливая была...

Господи! А ведь если бы он брата убил, а не сестру? Наверняка бы повесили!..

...Домой я вернулся на исходе ночи. Ребенок спал рядом с сестрой. Я бережно отнес его на кухню... Там у нас лежал большой нож...

Выполнив задуманное, я вздохнул с облегчением — теперь не отвертеться, это точно.

Под окнами заорали голодные кошки. «Брысь, проклятые!» Хлопнув дверью, я направился в ближайшее отделение полиции.

Чувствовал, что ждет меня темная, сырая могила, но вошел в отделение уверенно, без колебаний. Заспанный полицейский выпучил на меня глаза:

— Чего тебе?

— Я хочу видеть начальника отделения.

— Зачем он тебе?

Я объяснил. Дежурный проводил меня в кабинет, где за столом сидел начальник и с аппетитом поглощал завтрак — у меня даже слюнки потекли. Я ткнул ему под нос свои окровавленные руки... Когда мне больше было нечего сказать, в комнате воцарилась неловкая тишина.

Совершенно неожиданно начальник отделения разразился громовым хохотом. Мне показалось, что я лечу с огромной высоты в пропасть.

— Так, значит, это говорил двухлетний ребенок?!— спросил он с издевкой.

— Да! Клянусь вам. Не я его, так он бы меня убил... Клянусь!

— Короче! Говори, чего надо? — рявкнул начальник.

— Я хочу предстать перед судом...

— Перед судом?.. А что, по-твоему, на суде будет?

— Меня приговорят к повешению.

— И ты не боишься?

— Нет, не боюсь.

Лицо начальника исказил гнев.

— Что?! — заорал он. — Ты не боишься смерти?

— Нет, — отчеканил я. — Смерть меня не страшит.

— А полицейские? — улыбнулся начальник. — Ты и их не боишься?

Я не ответил. В комнате вновь наступила тяжелая тишина — словно дикий зверь, она вцепилась в меня невидимыми когтями, сковала все тело...

— А ты роста не малого...— медленно начал начальник. — Долговязые всегда беспорядки сеют.

— Уж таким вырос.

Он вытер рот белой салфеткой и нажал кнопку звонка. Дверь моментально распахнулась, в комнату ввалились пятеро здоровенных мужчин. Презрительно скривив губы, они смотрели на меня так, словно перед ними был не человек, а тучело.

— Не боишься, значит? — повторил начальник. — А ну-ка, покажи, как ты умешь плакать!

— Не собираюсь.

Громили навалились на меня со всех сторон, скрутили руки и сорвали с меня башмаки и носки.

Начальник полиции угрожающе поднял указательный палец:

— Если ты сейчас же не заплачешь, мы разорвем твои носки!

Выдержать такое испытание я, увы, был не в силах и взмолился о пощаде.

— Ну хорошо, хорошо...— сказал мой мучитель. — Теперь давай поплачь как следует... И пожалостливей!

Громили заорали вразнобой:

— А ну, плачь! Тебе говорят!

В моей памяти вспыхнули тысячи ярких солнц, звучащих в чистых детских голосах. Я вспомнил тусклые зеркала, глядящие в морщинистые лица стариков. Вспомнил плотно закрытые двери парадных подъездов в зимнюю пору... губы женщины, склонившейся над ребенком... теплые волны моря, ласкающие мое немогущее тело... И горько заплакал.

Начальник отделения победным взглядом обвел присутствующих:

— Так... А теперь заревп по-ослиному.

Я заревел.

— Ну ладно... Хватит.— Начальник кончиком платка вытер выступившие на глазах слезы и махнул рукой, выпроваживая помощников прочь.

— А теперь признавайся, что ты там натворил... Только больше не ври!

— ...Я не вру. Я, правда, никогда не был вельможей. Просто бродил, как всегда, от кофейни к кофейне и даже не надеялся встретить кого-нибудь из знакомых. И не нашел пристанища лучше, чем студия одного нищего художника, моего друга. Он встретил меня приветливо. Аллах сотворил его добрым человеком, с открытой душой. Художник нарисовал на листе бумаги жареную курицу — сочную, румяную, с золотистой корочкой.

— Чем богаты, тем и рады, — сказал он.

Я рассмеялся, съел курицу с аппетитом, хотя, конечно, если бы она плавала в оливковом масле с толченым чесноком, было бы намного вкуснее.

Тыльной стороной ладони я вытер губы и поблагодарил хозяина.

По глазам художника было видно, что он остался доволен. Я улыбнулся и заметил:

— Вот сейчас бы не грех и выпить.

— Нет, — отрезал он.

— Почему так?

— Я против спиртных напитков.

— Да мне всего глоток...

— Нет. И нечего спорить. У каждого человека должен быть враг. Мой враг — вино.

— Оно же безвредно...

— Нет. И не упрашивай больше, я от своих принципов не отступлюсь.

...Ну, я в него и плюнул! Скупец проклятый, листка бумаги ему жалко!

— Вот так-то лучше,— сказал начальник полиции и захлопнул папку, содержащую уже не один исписанный лист бумаги.— Сразу надо было признаваться. Я передаю дело в суд. Встань! Ты обвиняешься в предательстве и в нарушении устоев веры.

...В зале было много народу. Рядом с судьей сидела моя сестра.

— Что ты здесь делаешь?

Она сурово посмотрела на меня и не сказала ни слова. Какой-то старик произнес длинную речь, потребовав моей казни. Потом поднялось с мест и заговорило сразу несколько человек. Моя сестра тоже приговорила меня к смерти.

— Убирайся на кухню! — крикнул я ей.

Двое здоровенных полицейских приказали мне молчать, а потом разомкнули наручники и попросили меня удалиться из зала, напомнив, что казнь состоится завтра на заре, на главной площади. Они очень просили меня не опаздывать — на очереди было много других должговязых...

Я понесся из зала суда громадными прыжками, но, видно, не рассчитал сил — сказалось многодневное недоедание. Споткнувшись о камень, растянулся в каком-то грязном переулке и больно ушиб локоть. Поднял голову — впереди, в трех шагах, стояла сестра, подталкивая ко мне окровавленного ребенка. Малыш шлепнулся рядом — мою руку залило чем-то теплым — и закричал: «Папа! Папа!..»

— Папа!.. Папа!.. — раздавался над головой детский плач.

Я открыл глаза. В небе мирно светили звезды. Воздух был свежим — недавно прошел дождь. Я различил темные потеки на стене дома напротив и узнал здание коммерческих складов за рынком. Надо мной, держась ручонкой за стену дома, стоял двухлетний малыш. Его круглое личико искажала гримаса плача, мокрая пола длинной рубашки касалась моей руки. Я приподнялся и почувствовал острую боль в локте — так и есть, ссадина! Справа лежал маленький узелок: белье, пеленки...

— Что же ты плачешь, малыш?

Ребенок обхватил меня за шею.

— Папа!.. Папа!..

По совести говоря, я давно не был у парикмахера: в таком заросшем детине нетрудно признать кого угодно...

Сестра еще не спала — сама открыла нам дверь. Ее руки и лоб были в мыльной пене, посреди комнаты стоял таз с бельем. Горячая краска стыда залила мне лицо...

— Посмотри, какой он хорошенький! — сказала она мне утром.— И где ты такого достал?.. Мы назовем его Саид¹, да?

— Хорошо. Пусть будет Саид, если тебе так нравится,— улыбнулся я, глядя на солнце.— Может, он и вправду вырастет счастливым?

---

¹ Счастливым (арабск.).

УЛЫБКА СОЛНЫШКА

— Ты — жаба! — крикнул я младшему брату, валявшемуся в постели.

— А ты, когда вырастешь, станешь вором, — отозвался он, — а я буду полицейским, поймаю тебя и посажу в тюрьму!

— А я не боюсь полицейских!

— Все воры так говорят...

— Как дам сейчас! — разозлился я.

Он отчаянно завопил, из кухни прибежала мама.

Прикрыв ухо ладонью, брат хныкал, тыча в меня пальцем:

— Он меня ударил!..

— Врун! — закричал я.

— Ох, замолчите! — устало сказала мама и положила руку мне на плечо: — Сбегай за молоком.

— Пусть брат сходит, — попытался отвертеться я.

— Разве ты не видишь, что он болен?

— Я тоже болен...

— И не стыдно тебе обезьянничать? — укоризненно покачала головой мама.

— У меня нога болит...

Но мама не поверила, и мне пришлось пойти за молоком.

В правой руке я зажал деньги, а в левой осторожно нес кувшин. Мама несколько раз повторила, чтобы я не потерял деньги, не разбил кувшин, не пролил молоко...

Не торопясь дошел я до лавки бакалейщика. Тот сидел на стуле перед дверью — толстый-толстый, словно беременная тетка.

— Молоко есть?

Бакалейщик блаженно зевнул и, отогнав рукой муху, норовившую залететь прямо ему в рот, спросил:

— Тебе козьего молока или коровьего?

— Не знаю.

— Пойди спроси у матери.

Я вернулся домой и спросил маму, какого молока надо купить.

— Возьми коровьего! — сердито сказала мама.

Я снова пошел в лавку.

— Маме нужно коровьего.

— А у меня только козье, — лениво ответил бакалейщик.

Я вернулся домой во второй раз.

— У него только козье.

Мама рассердилась еще больше:

— Иди и купи козьего!

Я опять зашагал в лавку.

— Давай козьего молока!

Бакалейщик взял у меня деньги, пересчитал их и, вздохнув, бросил в медный таз на подоконнике. Потом поставил кувшин на весы, палил в него молока и отдал мне, не преминув напомнить, чтобы я смотрел под ноги и не пролил молоко.

Домой я шел осторожно и не спускал глаз с молока, мерно плескавшегося в кувшине. Вдруг дорогу мне преградил невесть откуда взявшийся мальчишка. Он был с меня ростом, только умыт, причесан и нарядно одет.

— Ты слуга на побегушках? — ехидно спросил он.

— Это твоя мать — прачка и попрошайка! — сердито выпалил я в ответ.

— У моего папы есть машина, а у твоего есть?

Я не ответил. Он подскочил ко мне и сунул под нос кулак.

— Отгадай, что у меня тут?

— Не знаю... — растерялся я.

— Ну, попробуй отгадать!

— Монета! — сказал я не раздумывая.

— Вовсе и нет, не угадал! — И он раскрыл кулак: на ладони лежала мертвая муха.

— Это я ее убил! — с гордостью сказал мальчик.

Мне стало противно до тошноты, а он засмеялся и кинул муху в мой кувшин с молоком! Вне себя от обиды, я поднял кувшин и ударил им мальчишку. Молоко залило нарядный костюмчик, а кувшин вылетел у меня из рук и разбился...

Мальчик сидел на земле и ревел, как девчонка, — прямо смотреть стыдно было! А я решил сбежать подалее от греха.

Я мчался со всех ног по кривым переулкам, пока не устал. Запыхавшись, я прислонился к глиняной стене и огляделся, не понимая, где нахожусь.

За разбитый кувшин мне, конечно, здорово влетит от мамы, а брат будет только злорадствовать... Я долго стоял в безлюдном переулке, не зная, что делать, и плакал. Потом утер рукавом слезы и устало опустился на землю.

В пыли, прямо рядом с моей ногой, что-то блеснуло. Колечко! Я поднял его и стал разглядывать: вроде бы серебряное, только очень грязное.

Я потерял колечко о штаны, и тотчас же передо мной словно из-под земли возник черный кот. Он мяукнул и подошел ближе.

— Брысь! — цыкнул я на него.

Кот мяукнул еще раз и неожиданно сказал человеческим голосом:

— Приказывай, чего ты хочешь!

От испуга я похолодел и с трудом проглотил слюну, но тут же постарался взять себя в руки.

— Ты кто?

— Я джинн, слуга этого перстня.

— Ты кот! — возразил я.

— Я появился в этом обличье, чтобы люди не пугались меня. Требуй, чего пожелаешь, и я исполню твою волю.

Я подумал минуту.

— Хочу кувшин с молоком, вместо того, который разбился...

— Твое желание исполнено! — сказал кот. — На, возьми свой кувшин!

С радостью схватил я кувшин: он был до краев полон молока! Правда, сверху плавала мертвая муха... Ну, да бог с нею!..

Я поспешил домой, твердо ступая по земле.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Восточная свадьба. <i>Перевод И. Ермакова</i>	8
Маленькое солнце. <i>Перевод В. Шагалья</i>	14
Ночь. <i>Перевод И. Ермакова</i>	21
Птица. <i>Перевод И. Ермакова</i>	26
Напалм! Напалм! <i>Перевод И. Ермакова</i>	30
Поражение. <i>Перевод И. Ермакова</i>	34
* Как умерла черноволосая Фатъма. <i>Перевод Г. Косача</i>	37
* Лик луны. <i>Перевод С. Шуйского</i>	39
Бороды. <i>Перевод И. Ермакова</i>	43
Рабы божии. <i>Перевод И. Ермакова</i>	46
Полицейский и мерин. <i>Перевод И. Ермакова</i>	49
Забвение. <i>Перевод И. Ермакова</i>	53
Вечеринка. <i>Перевод И. Ермакова</i>	55
Вкус вишен. <i>Перевод В. Шагалья</i>	65
Зеленое дерево. <i>Перевод И. Ермакова</i>	71
Как это делается. <i>Перевод И. Ермакова</i>	74
Поле фиалок. <i>Перевод Л. Степанова</i>	77
Огонь и вода. <i>Перевод Л. Тюревой</i>	81
Бараны. <i>Перевод В. Шагалья</i>	87
Тюрьма. <i>Перевод И. Ермакова</i>	92
Бедуин. <i>Перевод Л. Тюревой</i>	95
Казнь. <i>Перевод В. Шагалья</i>	121
Бывают в жизни радости. <i>Перевод И. Ермакова</i> . . .	125
Улыбка солнышка. <i>Перевод И. Ермакова</i>	131

Закария Тамер
ДАМАСК ПОЖАРИЩ

Рассказы

Перевод с арабского

Составитель

Игорь Александрович Ермаков

Редактор *А. М. Михалев*

Художник *Джемаль Джанд*

Художественный редактор *А. П. Купцов*

Технические редакторы *Н. И. Касапкина, Т. В. Левина*

Корректор *Н. И. Мороз*

ИБ 2372

Сдано в набор 5.02.77. Подписано в печать 7.09.77.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Условн. печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 522. Цена 70 коп. Изд. № 22529.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
Совета Министров по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 21

Ордена Трудового ~~героя~~
типография № 2 имени Евгении Соколовой
~~Фирма~~ при Государственном комитете
Совета Министров по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли. 198052,
Л-52, Измайловский проспект, 29

70 коп.

70 коп.